

Х. ЮСУПОВ

**ПРИУЗБОЙСКИЕ
ТУРКМЕНСКИЕ ПЛЕМЕНА
XIV—XV вв.**

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш. БАТЫРОВ АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

Х. ЮСУБОВ

УЗБОЙЫҢ КЕНАРЫНДАКЫ
ТУРКМЕН ТАЙПАЛАРЫ
XIV—XV АСЫРЛАРДА

Тарых ылымларының кандидатлары *Е. Атагаррыев* и
и *Б. И. Вайнберг* илми редакциясы билеи

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ
АШГАБАТ — 1975

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. БАТЫРОВА

Х. ЮСУПОВ

ПРИУЗБОЙСКИЕ
ТУРКМЕНСКИЕ ПЛЕМЕНА
XIV—XV вв.

Под научной редакцией кандидатов исторических наук
Е. Атагаррыева и *Б. И. Вайнберга*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
АШХАБАД — 1975

Работа является результатом многолетних археологических исследований в долине Узоя. В ней подробно анализируются археологические памятники XIV—XV вв. и на основе керамического материала выделяются отдельные историко-культурные районы. Большое место в монографии уделено сопоставлению памятников материальной культуры с данными письменных источников о туркменах на Узое. В работе рассматриваются такие важные проблемы, как обводнение Узоя в период средневековья и этногенез туркменского народа.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов, а также на всех, интересующихся историей Туркменистана.

Ю 10602—3379 27—75
М561(30)—74

ВВЕДЕНИЕ

Беря начало в южной оконечности Сарыкамышской котловины, Узбой тянется до Балханского залива Каспийского моря и представляет собой вымершую речную долину¹. На протяжении многих километров его русло имеет вид широкой и глубокой долины. Отдельные его участки заполнены солеными и пресными озерами, при взгляде на которые создается впечатление, что река существует и сейчас.

Узбой привлекал к себе внимание многих исследователей разных специальностей. Первые сведения о нем встречаются в греческих, римских, позднее арабских, персидских и среднеазиатских источниках. Например, о нем часто упоминается у средневековых авторов (Абу-л-Фазл Бейхаки², Мухаммеда ибн Наджиб Бекрана³, Ибн ал-Асира⁴, Хамдаллаха Казвини⁵, Хафиз-и-Абру⁶,

¹ Географическое описание опирается на работы: В. А. Обручев. Закаспийская низменность. ЗРГО по общей географии, т. 20, № 3. Спб., 1890; Л. С. Берг. Рельеф Туркмении.— В кн.: Туркмения, т. 2. Л., 1939; А. С. Кесь. Русло Узоя и его генезис. ТИГ АН СССР, т. 30. М., 1939; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой. МХЭ, вып. 3. М., 1960.

² Абу-л-Фазл Бейхаки. Тарих-и-Бейхаки. Пер. А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 237—238.

³ Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джехан-намэ. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 349 и сл.

⁴ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-Тарих. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 397 и сл.

⁵ Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 509; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века.— Соч. Т. 3. М., 1965, стр. 51 и сл.; его же. К истории орошения Туркестана.— Соч. т. 3. М., 1965, стр. 173.

⁶ Хафиз-и-Абру. Извлечения из географического сочинения. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 527 и сл.; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море..., стр. 65 и сл.

Захир ад-Дина ал-Мар'аши⁷, А. Дженкинсона⁸ и др.).

Первое научное исследование русла Узбоя было проведено в начале XVIII в. по требованию Петра I. Среди русских исследователей, посетивших восточный берег Каспийского моря, следует упомянуть Бековича-Черкасского (1715 г.), Муравьева (1821 г.), Дядина и Баранова (1825—1826 гг.), Басаргина (1826 г.), Карелина и Бларамберга (1836 г.), которые наряду со сбором сведений по географии, экономике и населенности этих мест приводят в своих исследованиях немало ценных исторических данных.

У исследователей XIX в. существовали значительные разногласия относительно генезиса и периодов обводнения Узбоя. С одной стороны, ряд авторов — А. И. Глуховский⁹, А. И. Свинцов¹⁰, В. А. Обручев¹¹ и другие — считали русло Узбоя типичной проточной речной долиной, с другой — П. М. Лессар¹², А. М. Коншин¹³ придерживались противоположной точки зрения, а именно: Узбой являлся морским проливом между Аралом и Каспием или на большом протяжении представлял морские заливы, которые сообщались лишь в периоды особенно обильного притока воды в Аральское море. К. И. Богданович и И. А. Вальтер объясняли происхождение русла Узбоя действием атмосферных осадков и ветра¹⁴.

⁷ Захир-ад-Дин ал-Мар' аши. Рассказ о путешествии сейидов, отправленных Тимуром с южного берега Каспия на восточный берег и по течению реки Узбоя; см.: В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море..., стр. 63—64; его же. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море.— Соч. Т. 3. М., 1965, стр. 249.

⁸ А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию (1558—1560 гг.).— В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю. В. Готье. Л., 1937.

⁹ А. И. Глуховский. Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море. СПб., 1893.

¹⁰ А. И. Свинцов. Река Аму-Дарья и древнее соединение ее с Каспийским морем (Узбой). ИСИПС. СПб., 1884.

¹¹ В. А. Обручев. Закаспийская низменность. ЗРГО по общ. географии, т. 20, № 3. СПб., 1890.

¹² П. М. Лессар. Пески Кара-Кум. ЗРГО, т. 20. СПб., 1884.

¹³ А. М. Коншин. Разъяснение вопроса о древнем течении р. Аму-Дарьи по современным геологическим и географическим данным. ЗРГО по общ. географии, т. 33, № 1. СПб., 1897.

¹⁴ К. И. Богданович. К геологии Средней Азии. ЗМО, сер. 2, ч. 26. СПб., 1890.

Последней фундаментальной географической работой, посвященной проблеме Узбоя, является монография А. С. Кесь «Русло Узбой и его генезис», в которой автор анализирует существующие теории и результаты своего долголетнего обследования Узбоя. А. С. Кесь считает, что Узбой является сухим руслом, но не самой Амударьи, а реки, вытекавшей из Сарыкамышского озера, которая, в свою очередь, получала воду из Амударьи¹⁵.

Впервые археологические исследования на Узбое проведены А. А. Марущенко в 1930 г., когда был обследован один из рукавов дельты нижнего Узбоя, русло Аджайб¹⁶. Детальное археологическое обследование сухого русла Узбоя было начато с 1947 г. сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С. П. Толстова. В 1950 г. ими же был обследован Верхний Узбой до колодца Игды. В том же году сотрудники XIX отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) А. А. Росляков и А. Ф. Ганялин впервые посетили крепость Дуйнеш-кала верхнюю на Большом Балхане. В 1951 г. эта крепость была обследована Хорезмской экспедицией; был собран материал и снят ее схематический план¹⁷. В том же году сотрудники Хорезмской экспедиции обследовали наряду с Узбоем русло Актам и берега бывшего озера Келькор¹⁸. На Актаме они посетили мечеть Екедже или Йыкыджак-там, башню Кулсар-Сенгир, кладбище Шейх-Мустафа. Во время автомаршрута 1951 г. на караван-сараях Ак-яйла и Орта-кую была

¹⁵ А. С. Кесь. Русло Узбой и его генезис, стр. 7.

¹⁶ Стоит отметить, что наше деление Узбоя на три географические района (Нижний, Средний и Верхний) не совсем совпадает с делением сотрудников Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Наше деление учитывает данные географии наряду с археологическими и историческими источниками. Практически расхождение имеется в определении границы между Средним и Верхним Узбоем.

¹⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 36.

¹⁸ С. П. Толстов. Археологические разведки по трассе Главного Туркменского канала (русло Узбой). КСИЭ, вып. 14. М., 1952, стр. 3—11; его же. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 35 и сл.

произведена шурфовка¹⁹. Тогда же изучались археологические памятники Среднего²⁰ и Верхнего Узбоя. В 1952 г. сотрудники Хорезмской экспедиции предприняли новые исследования на Верхнем и Нижнем Узбое: особо следует отметить раскопки О. А. Вишневской караван-сарая Талайхан-ата²¹. Был также проведен маршрут на участке дельты Нижнего Узбоя — русла Аджайб²². Богатый и разнообразный комплекс керамики был собран на поселениях в районе Аджайба. В 1953—1954 гг. Хорезмская экспедиция вела археологические работы на Верхнем Узбое и Сарыкамыше²³. С 1953 г., работая совместно с археологами, А. С. Кесь проводила геоморфологические работы. Совместная работа археологов и геоморфологов позволила разрешить многие спорные вопросы.

В 60-х годах в течение нескольких лет Нижний Узбой обследовала Туркменская археолого-этнографическая экспедиция под руководством Г. Е. Маркова²⁴. В 1962 г. Средний Узбой частично обследован А. М. Мандельштамом²⁵. Начиная с 1964 г. археологические исследования на Узбое ведутся археологическим отрядом Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР и возглавляются автором.

В результате многолетнего изучения археологических памятников вдоль русла Узбоя подняты многие важные

¹⁹ О. А. Вишневская. Раскопки караван-сарая Ак-яйла и Талайхан-ата. ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 433 и сл.; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 326.

²⁰ Сведения об археологических памятниках этого участка Узбоя очень скудны и опубликованы лишь попутно при описании всего Узбоя; С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 36 (также см. карты в этом томе). Керамические материалы, собранные сотрудниками Хорезмской экспедиции, хранятся в фондах экспедиции при Институте этнографии АН СССР.

²¹ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 441 и сл.
²² С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1952 г.—ВДИ, 1953, № 2; его же. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 85 и сл.

²³ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 258—310; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 293 и сл.

²⁴ Г. Е. Марков. Материалы по каменному веку Прибалханья. М., 1964.

²⁵ Отчеты и материалы хранятся в секторе археологии Института истории АН ТССР.

вопросы, связанные с исторической динамикой его населения.

Археологические памятники русла Узбой относятся к различным историческим эпохам с древнейших времен вплоть до позднего средневековья. На геоморфологической и археологической картах Узбоя, составленных сотрудниками Хорезмской экспедиции и сотрудником Института географии АН СССР А. С. Кесь, отмечены многочисленные первобытные стоянки и поселения, а также античные и средневековые памятники, расположенные группами, разделенные иногда весьма значительными пространствами²⁶. В разные эпохи степень освоения прибрежных районов была неодинаковой. Например, в неолите, в раннем бронзовом веке берега древнего Узбоя были густо заселены, в то время как античные памятники встречаются здесь редко²⁷. Средневековых памятников на Узбое довольно много, и в основном они относятся ко времени его обводнения.

Основные задачи настоящей работы можно коротко сформулировать следующим образом: детальная характеристика археологических памятников XIV—XV вв., выделение локальных районов распространения разнотипного археологического материала, сопоставление «археологической географии» с данными Абу-л-Гази о расселении туркменских племен в средневековье на Узбое.

Основным источником для исследования послужили археологические материалы со средневековых поселений. Были использованы материалы раскопок и разведок Хорезмской экспедиции, частично опубликованные, частично хранящиеся в ее фондах, материалы А. А. Марущенко, собранные им в 30-х годах, и материалы археологического отряда Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

Автор считает приятным для себя долгом выразить искреннюю благодарность и признательность редакторам

²⁶ См. карты низовья Амударьи в кн.: Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 267; ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 56—57, рис. 24.

²⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 38 и сл.; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 34; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 292 и сл.

настоящей работы Е. Атагарьеву и Б. И. Вайнберг, которые приложили немало сил при подготовке ее к изданию. Автор также благодарит сотрудников сектора древней и средневековой археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР за их постоянную дружескую помощь при написании и обсуждении работы.

ГЛАВА I

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ НА НИЖНЕМ УЗБОЕ И БОЛЬШИХ БАЛХАНАХ, ВОПРОС ОБ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Нижний Узбой берет свое начало от бывшего озера Келькор, откуда двумя ныне сухими рукавами Актамом и Аджаибом соединялся с Каспийским морем. С севера Нижний Узбой ограничен горами Большие Балханы, с юго-востока — Малыми Балханами и Боядагом. С запада — между рукавами Аджаиб и Актам располагается полуостров Дарджа с непроходимыми песками. В настоящее время Нижний Узбой представляет собой почти пустынный район, лишь на северном склоне Большого Балхана есть небольшие районы с родниками и кяризами, на базе которых скотоводы разводят небольшие бахчевые плантации.

Нижний Узбой делится на ряд более мелких географических районов, существенно отличающихся друг от друга. Это русла Актама и Аджаиба, солончака (бывшее «озеро», залив) Келькор и район Больших Балхан, не входящий в собственно географическое понятие Нижнего Узбоя, но тесно с ним связанный.

Сухое русло Актам, начинающееся от северной оконечности солончака Келькор, имеет протяженность около 40 км в меридиональном направлении на север, а затем поворачивает на северо-запад и соединяет впадину Келькора с бывшим Балханским заливом Каспийского моря²⁸.

Русло Аджаиба не так четко выражено как русло Актама. В его истоках юго-западный берег Келькора представляет собой песчаную равнину, покрытую галькой с небольшими песчаными перемычками, ближе к морю сменяющимися песками. Местами песчаные гряды перемежаются с зашоренными межгрядными пониже-

²⁸ А. С. Кесъ. Русло Узбой и его генезис, стр. 82—83.

ниями, углубляющимися по мере приближения к берегу Каспия. Еще недавно, в 30-х годах, эти гряды упирались в море²⁹, воды которого, заполняя межгрядовые понижения, образовывали узкие заливы у берега, иногда даже отделяя небольшие песчаные возвышенности в виде островов. Теперь море очень далеко отступает от этих глубоко врезаемых межгрядовых понижений, и переносные барханные пески, двигаясь вслед за морем, быстро перемещаются и перекрывают его бывшее дно, образуя высокие гряды.

Солончак Келькор³⁰ представляет собой равнину почти правильной округлой формы, покрытую галькой со слоем черного ила (батгак), а сверху засоленными песками. Если в древности эта низменность служила заливом Каспийского моря, то позднее, в неолите и в средневековье, она была отделена от моря заливом (озером)³¹ и служила бассейном русла Узоя.

Горы Большие Балханы расположены между северо-западными отрогами Копетдага и Красноводским полуостровом к северу от города Небитдага. На севере и западе Большие Балханы ограничены крутыми скалистыми обрывами. Восточной оконечностью системы Большого Балхана служит хребет Секидаг, с северо-востока — Караджадаг. Севернее гор расположены пески Чильмаметкумы. С востока, юго-востока и частично с запада Большие Балханы огибают русло Узоя.

Русло, соединяющее Келькор с Балханским заливом, получило название Актам, соответствующее наименованию развалин на его берегу. Впервые Актам в качестве географического термина упоминается у хивинского хана Абу-л-Гази, который рассказывает о расселении второго племени уч-илинцев — али-или. Он пишет, что их сторона была расположена по обе стороны Аму, от Гарры-гечида до Актама³². Абу-л-Гази повторяет то же

самое и в другом месте, когда говорит о восточных границах племени дуюджи: «Их страна была от Актама вниз до Огурджи»³³.

Г. С. Карелин писал со слов туркмен: «Актам, по переводу Белое жилище, или в переносном смысле священное место. Почти на половине длины сего рукава, у единственной через него переправы, находится священная гробница или авлия Шир (шейх. — Х. Ю.) Мустафа. Гробница или памятник стоит на возвышенном в 10 саженей берегу, на том самом месте, где, по туркменским преданиям, находился современный Чингиз-хану большой город Актам»³⁴.

И. Ф. Блаرامберг сообщает, что на берегу русла Актама находилось урочище Актам (белая стена), у которого туркмены переправлялись через реку и по которому она получила нынешнее свое название³⁵. К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить вышеупомянутое городище или поселение, если оно действительно и существовало.

Л. С. Берг в своей работе говорит, что название реки Актам происходит от одноименного названия селения у переправы через реку по дороге с севера на юг, которая пересекает русло около Молла-Кара³⁶. Однако, по сообщению местных жителей (Мурад-ага), дома, о которых говорит Л. С. Берг, являются поздними постройками, появившимися в последней четверти XIX в., уже после прихода русских. Думается, что в то время мечеть Екедже, покрытая алебастровой штукатуркой, могла называться «белым домом», отсюда, возможно, произошло само название Актам.

Изучение русла Аджаиба началось с середины прошлого столетия. В 50-х годах, работая в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и проводя геоморфологическое и палеографическое исследование

²⁹ Эти сведения получены от археолога А. А. Марущенко, обследовавшего этот район в 30-х годах, а также от местных жителей.

³⁰ Келькор — лысый, слепой.

³¹ Свидетельством этого являются два рукава, отходящие от этого озера, Актам и Аджаиб, в которых, как установили ученые, находилась пресноводная фауна, свидетельствующая о бывшем водном потоке. К тому же на берегах солончака и русла найдены остатки неолитических и средневековых поселений, которые расположены в одном и том же месте.

³² Абу-л-Гази. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 76.

³³ Абу-л-Гази. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 77.

³⁴ Г. С. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю. ЗРГО по общ. географии, т. 10. СПб., 1883, стр. 410—411.

³⁵ И. Ф. Бларамберг. Русло и устье древнего Оксуса. (Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган). ЗРГО, кн. 4. СПб., 1850, стр. 83.

³⁶ Л. С. Берг. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. Очерк истории исследований в связи с историей картографии Аральского моря. СПб., 1908, стр. 23.

русла Аджаиба, А. С. Кесь пришла к выводу: «Сейчас на месте русла Аджаиб, по-видимому, слабо проработанного, располагаются барханы, но вблизи устья на берегах залива Аджаиб и Ордекли сохранились следы русел. Здесь встречена и пресноводная фауна, которая также свидетельствует о том, что в этом направлении протекала пресная вода»³⁷.

Г. С. Карелин, исследователь прошлого столетия, описывал материал, характеризующий археологические памятники по руслу Аджаиба. Он отмечает, что близ Хивинского залива, на левом берегу Аджаиба, найдены остатки развалин древнего и большого города Куня-Базара, находящегося под землей. Время от времени здесь находят золотые и серебряные вещи, особенно запястья странной формы, но тонкой работы, глиняные кувшины, муравленные кирпичи, стекло и прочее; часть развалин видна под водой. Выше Куня-Базара находятся обширные развалины Кара-Баба, Черчели (Серчели.—Х. Ю.), в 2,5 верстах от Кара-Баба на юго-восток — остатки оснований разных больших зданий. В 6 верстах выше Серчели на левом берегу рукава Аджаиба находятся прекрасные покрытые землей развалины того же имени³⁸.

По рассказу И. Ф. Бларамберга, возле Аджаиба должно находиться урочище Кара-Баба, где стоит старинная деревянная изба, построенная неизвестно кем и которую никто не отваживается уничтожить³⁹.

По свидетельству А. А. Марущенко, опрошенные в 1930 г. туркмены не подтвердили описание Карелина о развалинах «обширного города Куня-Базара, находящегося под землей». Исследователь пишет со слов информаторов: «Ни один из них не знал развалин Куня-Базара, но место старой Огурчи им было хорошо известно — она имеет сейчас вид острова, расположенного против залива Аджаиб, известного ныне под именем Куня-Огурджа». Однако рассказчики подчеркивали, что на Куня-Огурджа нет и не было городища, на нем был в старину лишь кочевья туркмен, спасавшихся там от набегов калмыков. Следы древнего города, по их словам, видны недалеко от Куня-Огурджа — на западном берегу

залива Эркекли, против острова Серчели. На месте городища стоит кирпичная «овлия», вокруг под обломками кирпича и глиняной посуды заметны фундаменты старых построек. Следы былой жизни видны и вокруг — на близлежащем острове Кызыл-Махтум, где расположено древнее кладбище также с кирпичной «овлия»; вглубь от берега густой сетью уходят развалины⁴⁰.

Далее автор отмечает имеющиеся по рукаву Аджаиба и в песках Кызылкум многочисленные следы древних кочевий, тесно связанных культурно и экономически с остатками древнего селища, расположенного на западном берегу залива Эркекли, против острова Серчели. Старожилы Челекена рассказывали ему о кирпиче, доставлявшемся на остров из района Куня-Огурджа. Поселение на Эркекли он относит к развалинам Куня-Базара-Огурджа.

Побывав на берегу залива Эркекли и «островах» Куня-Огурджа — Серчели и Кызыл-Махтум, А. А. Марущенко увидел жалкие остатки поселений и большое количество фрагментов простой и поливной керамики. Подобную керамику он встречал на всех местах кочевий Кызылкумов и датировал ее XII—XIII—XVI вв.⁴¹

Отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции во время посещения урочища Куня-Огурджа в 1952 г. были обнаружены остатки обширного позднесредневекового туркменского поселения. Оно было датировано приблизительно XV—XVI вв. С. П. Толстов предполагает, что поселение заброшено в результате какой-то катастрофы. Были обнаружены остатки юрт, деревянных дверей и других деревянных предметов, кошмы, вымостки полов, выложенные слоем кира и большое количество разнообразной керамики, часто — целых сосудов, жернова и фрагменты железных изделий. Такую же картину сотрудники экспедиции увидели и на других островах. По мнению С. П. Толстова, эти поселения — позднесредневековый центр расселения приморских туркмен, по-видимому, племени огурджали⁴². В урочище Кара-Ба-

⁴⁰ А. А. Марущенко. Существенные поправки. — «Туркменоведение», 1930, № 12.

⁴¹ Там же.

⁴² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 85—87; его же. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1952 г., стр. 154—157, стр. 165—167.

³⁷ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 288.
³⁸ Г. С. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю, стр. 410.
³⁹ И. Ф. Бларамберг. Русло и устье древнего Оксуса, стр. 83.

ба им же было обнаружено кладбище с остатками деревянного мавзолея.

Упоминание о Больших Балханах встречается у восточных авторов с XI в. Средневековые источники не дают описания каких-либо поселений, они отмечают этот район лишь как место убежища огузских и туркменских племен. Бейхаки пишет, что султан Махмуд прогнал (мечом) туркмен в Балханские горы⁴³. Далее он сообщает, что туркмены с Балханских гор нападают на пограничные области газневидских владений. Мухаммед ибн Наджиб Бекран под 1152/53 гг. упоминает, что языры—племя тюрков, которое попало в пределы Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, а другое — из Хорасана. Оттуда они и пришли в Так и Фераву⁴⁴. Наконец, Абу-л-Гази (XVII в.) приводит предание, по которому золотоордынский хан Джаныбек переселил тридцать семей погонщиков верблюдов в Балханские горы, так как эта местность считалась очень хорошей для разведения верблюдов⁴⁵. Абу-л-Гази⁴⁶ также сообщает, что на Балхане жили туркмены саниханы (текинцы, сарыки и иомуды), которые помогали Исфендиар-хану в борьбе против мятежных братьев Хабеша и Ильбарса.

Археологические памятники, обнаруженные в районе Больших Балхан, относятся к различным историческим периодам, охватывая эпохи неолита, бронзы, античности и средневековья. Основными памятниками, оставленными кочевым населением, являются погребальные сооружения.

При обследовании местностей в окрестностях колодез и кязиров встречается сравнительно небольшое количество фрагментов керамики, обычно очень мелких и трудно поддающихся культурно-хронологическому определению. Почти все они относятся к позднему средневековью и новому времени. Все это свидетельствует о том, что данная территория с периода средневековья стала интенсивно использоваться туркменами в качестве пастбищ.

⁴³ Абу-л-Фазл Бейхаки. Тарих-и-Бейхаки, стр. 234—237.

⁴⁴ Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джехан-намэ, стр. 349.

⁴⁵ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

⁴⁶ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Пер. Г. С. Сабликова. Казань, 1906, стр. 258; Материалы по истории туркмен XVI—XVIII вв. МИТТ, т. 2, 1938, стр. 324.

Для получения дополнительных материалов по средневековой истории этого района было обращено особое внимание на две крепости Дуйнеш-кала, являющиеся пока единственными известными крупными поселениями средневековья на Больших Балханах.

Памятники в районе русла Актама

Русло Актама было обследовано нами в 1965—1966 гг.: проведены маршруты по левому, а местами и правому берегу, по береговой трассе русла и в глубь барханных песков, чередующихся с таковыми. Средневековые археологические памятники вдоль русла Актама представлены развалинами мечети, башни, усадьбы, с плохо сохранившимися развалинами других жилых построек, мазарами и особенно многочисленными скоплениями керамики. Значительное внимание уделялось сбору керамических материалов как основного объекта археологического изучения, дающего основание для датировки всех памятников района.

В 1966 г. в 4 км от истока Актама на небольшом островке было открыто поселение, россыпи керамики «актамского»⁴⁷ типа, а также старое кладбище. Могилы обозначены вертикально поставленными надгробными стелами из необработанного камня. Керамический материал в основном фрагментарный. Большинство фрагментов происходит от красноглиняных поливных или неполивных сосудов. Встречаются фрагменты темно-серых и бракованных сосудов (неравномерный обжиг, плохо промешанное тесто и много примеси песка).

В 9 км к югу от Челекенской переправы, на левом берегу Актама, на невысоком холме высятся уже обследованные ранее развалины. Местные жители их называют Йыкыджак-там (развалившийся домик) или Екедже-там (одинокый домик). По россыпи керамики вокруг развалин можно предположить, что они расположе-

⁴⁷ Термины «актамская керамика и культура» введены сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Название дано по первому месту находки подобной керамики на одном из прикаспийских притоков Узбоя — Актаме. (Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 340).

ны на месте обширного средневекового поселения. Сами развалины сейчас имеют вид невысокого неправильного четырехугольника со сторонами 13×11 м, ориентированного углами по странам света. Стены сложены из сырцового кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см. В двух местах — в восточном углу и частично в западном — сохранились остатки стен высотой 2—2,40 м от уровня земли. На стенах виден сохранившийся слой толстой алебастровой штукатурки (ганч). Посередине юго-западной стены были видны следы оштукатуренной прямоугольной ниши, по расположению напоминающей михраб. В верхней части северо-западной и юго-восточной стены видны следы ниш глубиной в один (0,25 м), шириной в два кирпича (0,50 м). Верхние части ниш разрушены, но можно предполагать, что они были стрельчатыми.

Раскопки проводились около михраба и прилегающих к нему участков стены и у входа. Первый раскоп был размером 9×2 м. Был расчищен михраб шириной 1,40 м, сохранившаяся высота 0,55 м. Вторым раскоп был заложен у входа. После расчистки входа выяснилось, что портала не было, но по обе стороны входа с внешней стороны было пристроено по большой суфе. Внешние стены над суфами были покрыты алебастровой штукатуркой, которая заходила в пазы между лицевым рядом кирпича. Остальные участки внешней стены оставались необлицованными. Ширина входа — 0,84, ширина стены у прохода — 1,15 м. Ширина прохода между суфами — 1,25, высота суфы — 0,55 м. Сложены они из кирпича на глиняном растворе. Остатки штукатурки позволяют утверждать, что вертикальные стенки суфы до земли и пола в проходе были оштукатурены ганчем. Между суфами был проход, выложенный сырцовым кирпичом и ограниченный с внешней стороны невысоким порогом. Снаружи, возможно, была еще и ступенька. Пол представляет собой утрамбованную поверхность из глины с песком и крошкой алебаstra. У входа в мечеть в завале обнаружена штукатурка с прочерченным изображением кисти левой руки с раздвинутыми пальцами и какими-то другими нечеткими изображениями. Эти изображения находят себе близкую аналогию среди настенных рисунков мавзолея Тауруз-султан (Северо-Восточная Туркмения). Время первоначального возведения мавзолея исследователи отнесли приблизительно к XIV в., а изо-

бражения и надписи датировали XVIII—XIX вв.⁴⁸ Здесь же прослеживаются следы костра (зола) и найдена керамика «актамского типа».

Шурф, заложенный с восточной стороны входа внутри мечети и углубленный на 0,50—0,60 м ниже уровня пола, показал, что под полом лежит чистый материковый слой. Все керамические материалы из раскопок аналогичны подъемным. Судя по расположению сооружения, можно считать, что здание — провинциальная маленькая мечеть. Датировать ее на основании архитектурных форм трудно. Время существования мечети можно увязать только с поселением, в котором она расположена, так как в отличие от мазаров, мечети обычно бывают связаны с поселениями. На этом основании ее можно датировать началом XIV—XV в.

На расстоянии около 4 км от этой мечети вниз по левому берегу русла Актама обнаружены остатки оплывшей постройки, образующей небольшой холмик (том-мук), который местные жители называли Хай-хей. При раскопках холма выяснилось, что это сторожевая башня, почти квадратная в плане. Вход в башню находился с восточной стороны, размеры ее с внутренней стороны — $2,25 \times 2,30$ м, толщина стен 1,10 м. Внутри башни, у южной стены, видны три слоя штукатурки. Высота сохранившейся южной стены после расчистки 1,60 м. При расчистке над полом обнаружены три последовательно сменявшихся горелых слоя с костями мелких животных, керамика «актамского» типа, керамический шлак, рыбные кости. В юго-восточном углу, над нижним слоем — следы нефти. Повсюду найдены куски кошмы, пропитанной, вероятно, той же нефтью.

В 25—30 м к юго-западу от башни отмечены следы прямоугольного помещения размером 8×4 м. Вокруг этих развалин и на них обнаружены россыпи поливной и неполивной средневековой керамики «актамского» типа. В результате раскопок установлено, что культурный слой полностью размыт.

На левом берегу Актама, там, где русло образует изгиб почти под прямым углом, в 500 м на юго-запад

⁴⁸ Г. П. Дементьев, Н. П. Карташов, А. А. Келейников. О стеновых изображениях в мавзолее Тауруз-султан (Северо-Восточная Туркмения). ТЮТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955, стр. 171—182.

от Молла-Кара, на глинистой террасе в 1965 г. были обнаружены развалины крупного дома, стены которого сложены из сырцового кирпича размером $33 \times 33 \times 7$ см, положенного на глинистом растворе. Кирпичи мечены клеймом в виде осевой линии. Была произведена расчистка развалин дома, позволившая уточнить его планировку, а также получить некоторые датирующие материалы. Этот комплекс состоит из жилого дома, двора и хозяйственных помещений. Дом, прямоугольный в плане, поперечной стеной делится на две половины, соединенные между собой проходом. Юго-восточная часть представляет собой одно просторное помещение, северо-западная состоит из трех небольших комнат, двери которых выходят в общий коридор. Вероятно, эта половина дома являлась зимним жильем. Два прохода из северо-восточной и юго-западной половины дома ведут во двор и в хозяйственные помещения, вместе образующие в плане почти правильный квадрат, примыкающий к северо-восточной стене дома. По-видимому, в северо-западной части двора располагалась юрта, в которой обитатели усадьбы жили в летнее время.

Двор, судя по размерам ($10,75 \times 7,8$ м), был целиком или в большей части открытым. В северо-восточной стене его, вероятно, имелись ворота-вход к дому, однако плохая сохранность этой стены не позволяет уточнить их местонахождение и размеры.

Хозяйственные помещения состоят из трех, соединяющихся между собой удлиненных комнат. Назначение каждой из них не установлено, лишь в одной при расчистке были обнаружены два небольших горна диаметром 0,30 и глубиной 0,30 м. Внутри одного горна, стенки которого оплавлены, оказались мелкие шлаки железа. По-видимому, кто-то из обитателей усадьбы занимался обработкой железа. При расчистке встречена в небольшом количестве сильно фрагментированная поливная и неполивная керамика «актамского» типа, в основном фрагменты. Вокруг усадьбы и в нескольких десятках метрах в сторону северо-востока найдено большое количество поливной и неполивной керамики, стеклянные и железные предметы, заставляющие думать, что в районе усадьбы было обширное поселение.

На левом берегу Актама, в 5 км к северо-западу от курорта Молла-Кара, на лессовой равнине под обрывом,

в окружении высоких песчаных барханов существует действующее и поныне кладбище. По преданию, гонимый башки (основателем кладбища) был некий Шейх-Мустафа. В северо-восточной части современного кладбища находятся развалины мазара. Без расчистки можно лишь констатировать, что это было восьмигранное в плане здание, вероятно, с купольным покрытием.

Мазар разрушен сравнительно недавно. К северо-западу от него расположена почитаемая наряду с мазаром могила. По сообщению жителей близлежащих аулов, в ней похоронена жена Шейх-Мустафы. Конструкцией надгробия сооружения захоронение отличается от мазара Шейх-Мустафы. Оно представляет собой круглую в плане ограду, достигающую в отдельных местах 1 м высоты. Стены ограды, как и мазар, сложены из камня и обожженного кирпича. Вокруг мазара расположены средневековые и более поздние погребения. К юго-западу от него размещается действующая часть кладбища. В районе кладбища Шейх-Мустафы была собрана многочисленная поливная и неполивная керамика «актамского» типа. Обнаружены остатки обжигаемых печей, прослеживающихся в 50 м к северо-востоку от развалин.

Таким образом, вдоль русла Актама на протяжении около 20 км по левому берегу было зафиксировано не менее пяти довольно больших поселений — мечеть, два кладбища, одно из них — с мазарами. На правом берегу, к северо-западу от курортного местечка Молла-Кара, в 1951 г. сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции были обнаружены отдельные скопления средневековой керамики. По сообщению Мурада-ага (житель Молла-Кара), по правому берегу было минимум шесть заброшенных соленых колодцев, около которых могли быть небольшие поселения скотоводов. Если учесть небольшие размеры территории, на которой располагались все эти находки, то создается впечатление густой заселенности местности в средневековье. Находки концентрируются по берегам бывшего русла Актама и солончака Келькор. Вдали от берега они встречаются редко. Это дает возможность предполагать, что население, оставившее описанные памятники, в основном занималось рыболовством. Местное население, судя по сообщениям Абу-л-Гази, были кара-ойлинцы, потомки Каш-

га-Чора — родоначальника этого племени. «Земля, на которой они сидели, была плохая; места, пригодного для посевов, не было и травы, на которой можно было бы пасти скот, тоже было мало. Позднее, переселившись к кара-ойлинцам, таведжи занимались рыбной ловлей»⁴⁹.

По данным Абу-л-Гази, обитатели этой местности в основном были переселенцами из скотоводческих районов, поэтому, по всей вероятности, их основным жилищем служили не глиняные дома, а переносные юрты. Обнаруженные там мечеть и башня могли быть общественными сооружениями; усадьба и отдельный домик, возможно, принадлежали привилегированным лицам. Отсутствие следов каких-либо других домов у последних свидетельствует, как нам кажется, в пользу высказанного выше предположения о переносных жилищах.

Памятники в районе русла Аджайба

Материалы А. А. Марущенко и сотрудников Хорезмской экспедиции свидетельствуют, что по руслу Аджайба обследованы незначительные остатки памятников, оставленных туркменскими племенами в средневековье. Исследователи середины прошлого столетия Г. С. Карелин и И. Ф. Бларамберг отмечают рассказы проводников туркмен о месте, называемом «старым базаром». А. А. Марущенко и С. П. Толстов сопоставили этот базар с остатками поселения Куня-Огурджа. Ими же были отмечены следы нескольких поселений и в урочище Кара-баба, где расположено обширное размытое морскими водами кладбище с остатками деревянного мавзолея, сложенного из обломков русского корабля. В бревнах сохранились толстые заржавевшие гвозди. Из распросов местного населения выяснилось, что, по преданию, здесь похоронен святой Кара-баба; в последние дни своей жизни он якобы предсказал, что через месяц после его смерти близ острова потерпит крушение астраханская шхуна, из обломков которой он велел соорудить себе мавзолей, что и было исполнено⁵⁰.

О времени жизни Кара-баба никаких сведений у местного населения в настоящее время не сохранилось.

⁴⁹ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

⁵⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., стр. 87—88.

Г. П. Снесарев, побывавший в составе археолого-этнографического отряда Хорезмской экспедиции, отметил в полевом дневнике, что могила Кара-баба представляет собой полузанесенный песком небольшой холм, заросший саксаулом. Из песка торчат полусгнившие деревянные балки очень плохой сохранности, почти потерявшие форму. Расположение балок и песка напоминает прямоугольник. Около самой могилы найден кусок жженого кирпича. Никаких следов могилы святого из-за обилия песка (кругом расположены постоянно курящиеся барханы) не обнаружено. Рядом с Кара-баба, в десяти шагах к западу, в выдуве песка расположено кладбище. Могилы ориентированы на северо-запад⁵¹.

По рассказу Абу-л-Гази, в средневековье одними из первых переселенцев в этот район были потомки Кашга-Чора — кара-ойли. Возможно, и могила Кара-баба принадлежит Кашга-Чора. Если вспомнить приводимую у А. Джикиева⁵² легенду о кораблекрушении, то можно предположить, что корабль прибыл из Ширвана, когда на восточном берегу в районе Куня-Огурджа жили ши-хи — кара-баба. Поскольку они, вероятно, были кара-ойлинцами, которые переселились на Нижний Узбой в первой половине XIV в., то и могилу можно приписывать Кашга-Чора. Относительно малочисленности в поселениях строительных материалов уместно вспомнить полученные А. А. Марущенко у старожилов Челекена сведения о кирпиче, доставлявшемся на остров из района Куня-Огурджа.

Богатый и разнообразный комплекс керамики, собранный А. А. Марущенко и сотрудниками Хорезмской экспедиции на поселении Куня-Огурджа, послужил в значительной степени основой для анализа керамики всего района. Неполитые изделия представлены хумами, хумчи, кувшинами, горшками. Лишь на упомянутом поселении собраны фрагменты от целых хума и хумчи. Сосуды сделаны из простой глины, принявшей при обжиге красный цвет. Большинство хумов и хумчи имеют под венчиком орнамент в виде защипов, а по плечикам и по горлу — волнистые и линейные орнаменты. Среди тонкостенных красноглиняных сосудов встречаются фрагмен-

⁵¹ Г. П. Снесарев. Дневник № 27. М., 1952, архив ХЭ.

⁵² А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, «Ылым», 1961, стр. 33.

ты красноангобированных с лощением. Поливные сосуды имеют светло-белый или желтоватый ангоб, поверхность которого они покрыты преимущественно свинцовой прозрачной глазурью или оловянной непрозрачной поливой. Орнаменты в основном подглазурные, представленные гравировкой и росписью. Краска — зеленая, изредка коричневая. Иногда по контуру гравировки встречается роспись зеленой краской, нанесенная кистью, и пятна этой же краски. Гравированные узоры очень просты — концентрические круги, растянутая пружина, бордюр из косых линий и другие, помещенные между концентрическими кругами. Орнамент обычно нанесен по бортику и в центре днища.

Поселения по берегам Келькора

Они представлены только скоплениями керамики. Так как на всех поселениях она однотипна, ограничимся полным описанием одного, очевидно, нетронутого комплекса материалов и будем ссылаться на него при описании остальных поселений.

На северо-западном берегу Келькора в 15 км западнее истока русла Актама было открыто довольно крупное поселение. Найденная на нем керамика дала обычные группы сосудов: поливные, неполивные и кухонные (лепные). Там же, в 2 км к западу от истока русла Актама, было обнаружено еще одно большое средневековое поселение. На участке около 1 км длиной и 60 м шириной идет россыпь поливной и неполивной керамики «актамского» типа. Здесь же были найдены железные и керамические шлаки, несколько бронзовых монет. Несмотря на то, что следы построек отсутствуют по обилию керамических материалов можно считать это поселение одним из самых крупных среди нижнеузбойских. Керамика его, как и всех поселений Актама, дает обычный комплекс.

Много керамического материала собрано сотрудниками Хорезмской экспедиции во время Узбойского автомобильного маршрута 1951 г. на северном, северо-восточном и юго-восточном берегах Келькора. В поиске № 27 у колодца Халикулы и к юго-востоку от него на бугре были зафиксированы многочисленные обломки керамики «актамского» типа. Можно предположить, что на северном бере-

гу Келькора было небольшое поселение. Стоит отметить, что на северо-западном, северном и северо-восточном берегах Келькора, особенно в районе станции Бала-ишем и у колодца Кара-ишем, еще в 1951 г. сотрудниками Хорезмской экспедиции, а в 1966 г. Туркменским археологическим отрядом был собран разнообразный керамический материал, аналогичный «актамской» керамике⁵³. Многие береговые участки солончака Келькора из-за непроходимости не исследованы, однако по исследованным районам можно судить, что материальная культура населения, жившего по берегам Келькора, не отличалась от «актамской».

Памятники в районе Больших Балхан

В 1965 г. благодаря местным жителям, А. А. Марущенко удалось обнаружить оставшуюся до сих пор неизвестной археологам нижнюю крепость Дуйнеш-кала, которая затем была обследована автором совместно с А. А. Марущенко. В 1966 г. на крепости были произведены разведочные раскопки.

Крепость Дуйнеш-кала нижняя расположена в очень живописном месте на конце узкого длинного мыса, как бы языком отходящего от основного массива гор на северном склоне Больших Балхан. Крепость так выгодно использовала естественный рельеф, что развалины ее, довольно хорошо сохранившиеся, совершенно замаскированы рельефом и растительностью, и поэтому не различимы даже с ближайших подступов.

Там, где мыс отходит от основного массива Балханских гор, на восточном склоне его, чуть ниже гребня, находится родник Дуйнеш. От нижней крепости Дуйнеш-кала до родника около 500 м, от верхней — около 300 м. Склоны мыса круто спускаются вниз, местами переходя в обрыв. На склонах и гребне около родника — заросли арчи. С обеих сторон (запад и юго-восток) — высоту, на которой расположена нижняя крепость, окаймляют две

⁵³ Вместе с керамикой на северном и северо-западном берегу Келькора было обнаружено также скопление обработанных кремневых орудий позднелитического времени. Они встречаются по всему руслу Актама. Все сборы кремневых орудий находятся в секторе древней и средневековой археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

впадины — площадки, в настоящее время обильно поросшие растительностью (в основном травой). Эти площадки с севера в свою очередь ограничены небольшими горками и до настоящего времени представляют собой удобное место для стоянки. На них, особенно на западной, встречаются отдельные фрагменты средневековой керамики.

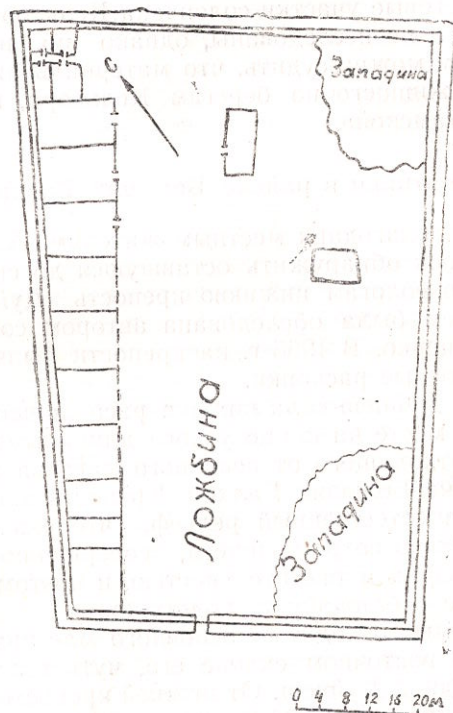

Рис. 1. План крепости Дуйнеш-кала нижняя.

Нижняя крепость расположена на северной оконечности мыса. Она имеет в плане форму неправильного четырехугольника со сторонами 97×97 , $55,5 \times 68,5$ м, вытянутого с юга на север (рис. 1). Стены крепости сложены из необработанного камня. Былая толщина их, как показала расчистка западной и северной стен, достигала

3 м. Разрушившись, они приняли форму вала. С восточной стороны, где мыс обрывается круто вниз, искусственная стена отсутствовала вообще, ее заменяло естественное валлообразное возвышение. Вдоль западной стены крепости, с внутренней ее стороны, расположен ряд прямоугольных помещений, примыкающих друг к другу, но не соединяющихся между собой. Размеры помещений уменьшаются в направлении с севера на юг. Входы в них располагались со стороны внутреннего двора крепости. Против входа в крепость, в середине ее северной части, расположено отдельно стоящее прямоугольное в плане здание с входом в середине западной стены. От входа в крепость к этому зданию идет глубокая, постепенно выравнивающаяся ложбина. К юго-востоку от центрального здания расположено еще одно отдельно стоящее здание, имеющее в плане форму вытянутого с востока на запад прямоугольника.

Все постройки внутри крепости сложены, как и ее стены, из необработанного камня. В северо-восточном и юго-восточном углах крепости видны большие впадины. Северная половина крепости Дуйнеш-кала нижняя представляет собой ровную площадку, середину восточной части занимает естественная возвышенность, покрытая крупными глыбами камня, западная часть тоже приподнята. Поверхность крепости внутри покрыта мелкой щебенкой и глыбами камня. Развалины крепостных стен заросли травой и арчой, достигающей в обхвате 180 см.

В 1966 г. проводились раскопки на следующих объектах памятника:

1. На участке стены крепости у восточного угла, чтобы выяснить, имелась ли на углу башня. Северная стена здесь сильно поднимается к углу на гребень, а следы башни отсутствуют. Кладка из крупного необработанного камня.

2. У ворот крепости, где раскоп был заложен с внутренней стороны крепости в 3 м от стены помещения, расположенного в ряду у северо-западной стены, где был обнаружен край ворот. Ширина ворот 2,4 м, толщина стены 3 м. В середине ворот обнаружен вертикальный камень, возможно, упор для отворок ворот; он стоял на внутренней линии крепостной стены.

3. Для выяснения конструкции и толщины крепостных стен были сделаны зачистки с наружной и внутрен-

ней сторон, посередине северной и западной стен крепости. В обоих случаях толщина стен достигает 3 м.

4. Для выяснения вопроса о культурном слое и возрасте крепости основным объектом раскопок стало центральное здание. Оно состоит из помещения размером $10,65 \times 4,2$ м. Вход шириной 80 см расположен в западной стене, в 3,7 м от юго-западного угла.

Помещение сложено из необработанного камня, толщина стены 1,3 м. Стены сохранились на высоту от 65 см до 1 м. Помещение заполнено завалом из камня и комковатой произвесткованной глиной. Над полом, представляющим собой ровную утоптанную поверхность, шел зольно-углистый слой толщиной от 5—10 см в центре и до 20—30 см у стен, образованный за счет горелых деревянных балок кровли и золистого культурного слоя, лежавшего на полу. В этом золисто-угольном слое и были сделаны все находки — фрагменты неполивной и поливной керамики, кости животных и птиц, фрагменты бронзовых и железных предметов.

В западном углу помещения располагаются узкий длинный очаг $1,05 \times 0,2—0,3$ м, вытянутый с запада на восток, и в самом углу — суфа размером $1,07 \times 0,75$ м высотой 0,23 м. Часть очага была перекрыта закопченным тонким плоским камнем. Влево от входа, в центре помещения, прослеживаются горелые пятна, возможно, от открытых очагов, использовавшихся для обогрева. Глубина очагов не более 7—10 см.

У середины северо-восточной стены на месте ушедшего на 0,5 м под пол естественного камня был заложен шурф 1×1 м глубиной около 0,6—0,7 м. В результате было установлено, что стена ниже уровня пола не идет. Грунт — желтая глина со щебенкой и камнями абсолютно чистый, без примесей культурных остатков.

Керамический материал, полученный при вскрытии центрального здания, весьма малочислен, но составляет единый комплекс. Вся керамика сделана на гончарном круге; глина розовато-кремовая и светло-желтая хорошей отмучки.

Неполивная керамика. Верхняя половина узкогорлого изготовленного на гончарном круге кувшина имеет широкий раздутый корпус и довольно резкий переход от горла к тулову. Венчик отсутствует. Ручка овального сечения с двумя продольными желобками на

наружной стороне. Ее верхний край прикреплен к горловине ниже венчика, нижний — у перехода от плечика к тулову. Сосуд по горлу и верху плечиков был орнаментирован узкими прочерченными полосками. Черепок не совсем равномерного обжига, бежево-коричневый в изломе, покрыт светлым ангобом.

Верхняя часть горловины другого кувшина. Кувшин, вероятно, того же типа (рис. 2, 4); от верха узкой горловины, украшенной прочерченным желобчатым орнаментом, идет венчик в виде несколько расширяющейся чашечки с утолщенными вертикальными боковыми стенками и прямо срезанным краем. Низ венчика косо подрезан. К узкой горловине, непосредственно под венчиком, прикреплена ручка того же типа, что и предыдущего сосуда. Тесто очень светлое, почти белое.

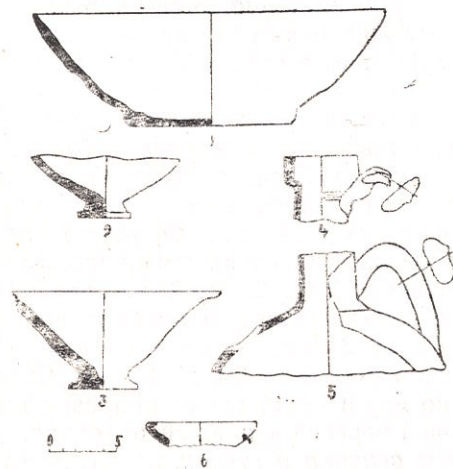

Рис. 2. Неполивная керамика.

Оригинальной формы сосуд. Представляет собой широко открытый конический кубок с широким отогнутым горизонтальным краем на невысокой ножке со сплошным поддоном (рис. 2, 3). Диаметр сосуда по краю 16 см, диаметр сплошного поддона 4,7, высота 7,5 см; ширина плоского бережка 2 см, толщина стенок сосуда от 0,5 до 0,9 см. Низ поддона небрежно срезан со станка и не

заглажен. Сосуд сделан на круге. Черепок пористый, в изломе кремовый. Снаружи и внутри сосуд покрыт красным ангобом. Внутренняя поверхность его отделана более тщательно, чем наружная, поэтому этот сосуд вряд ли мог служить крышкой⁵⁴.

Нижняя часть аналогичного кубка на ножке (рис. 2, 2). Сосуд также изготовлен на круге и тесто его очень светлое. Ангоб, если и был, то тоже светлый.

Фрагменты светлого сосуда, вероятно, светильника в виде чашечки с резко загнутым внутрь венчиком. Прослежены следы от прикреплявшейся к внешнему краю ручки.

Резко отогнутый наружу венчик, в виде подтреугольной в разрезе площадки. Верхняя часть его имеет желобок. Сосуд круговой, тесто пористое кремового цвета.

Фрагмент ручки кувшина. В сечении имеет овальную форму с двумя желобками на внешней стороне и валиком вдоль внутренней стороны. Тесто в изломе светловатое.

Датировать описанную керамику довольно сложно, так как в средневековых материалах соседних районов (Южная Туркмения, Хорезм, Бухара) аналогий неполойной керамике не встречается.

Поливная керамика. *Фрагмент полусферической чаши* с плоским дисковидным поддоном и округлым прямым венчиком (рис. 2, 1). Тесто черепка бежевое, полива непрозрачная двусторонняя болотно-зеленого цвета. Диаметр края 24 см, диаметр поддона 12, высота 6,8 см, толщина стенок от 0,4 до 0,7 см. Стенка плавно опускается ко дну и имеет следы подрезки ножом. Имеется небольшой перегиб в нижней половине.

Фрагменты венчика и стенок, вероятно, от аналогичной чаши, но с коричневой поливой, с мелкими более светлыми (желтыми) пятнами.

Поливная керамика дает основания датировать комплекс XI—XII вв., так как дисковидные поддоны как в

⁵⁴ На раннесредневековом городище Варахша в слое X—XI вв. встречались сосуды, которые своей формой напоминают наш кубок, но у них более вытянутые пропорции, иной венчик, отделка внешней поверхности (иногда штамп), а наверху (ручки) невелики по размерам и явно неустойчивы в отличие от нашего сосуда. (В. А. Шинкин. Варахша. М., 1963, стр. 98—99 (рис. 47, 1; стр. 113—114, рис. 54, 4).

Мерве, так и на подгорной равнине и в Хорезме, позже XI—XII вв. сменяются кольцевыми⁵⁵. Аналогичные по характеру и цвету поливы материалы встречаются в памятниках XI—XII вв. в Южной Туркмении⁵⁶. Темно-зеленого цвета полива является, как отмечает С. Б. Лунина, наиболее распространенной в Мерве в XII в.⁵⁷ Коричневая полива, встреченная нами на Дуйнеш-кале нижней, также встречается в средневековых комплексах⁵⁸.

Найденные при раскопках фрагменты бронзового изделия типа «булавки» с пуансонным орнаментом и какие-то железные подковки (возможно, от сапог), к сожалению, не могут помочь в уточнении датировки памятника. Отсутствие дополнительных материалов затрудняет датировку нижней крепости Дуйнеш-кала более узким хронологическим периодом.

Выявленные в процессе археологических работ горелый слой и закопченность всех находок доказывают, что крепость заброшена в результате какой-то катастрофы, вероятно, военной. Возможно, она связана с раздорами, происходившими в 60-х годах XII в., между язырским союзом, во главе которого стоял Ягмур-хан и правителем Дехистана Ихти-ар-ад-Дин Инаком. Заступаясь за последнего, отряд войска хорезмшаха Иль-Арслана напал на языров и разгромил их. При этом было так много людских жертв, что Ягмур-хан обратился за помощью к хорезмскому султану Махмуду ибн Мухаммед-

⁵⁵ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начале XIII в. ТЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 352; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). ТХЭ, т. 4. М., 1959, стр. 285, 298, 300, 310 и др.

⁵⁶ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 г. ТЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 10. По данным М. Е. Массона, с начала XIII в. зеленая полива становится яркой; Е. Атагарриев. Средневековое городище Шехр-Ислам (Языр). Автореф. канд. дис. М., 1967, стр. 9 и сл.). Аналогичные чаши с дисковидным поддоном и двусторонней зеленой поливой он датировал XII—началом XIII в.

⁵⁷ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начало XII в., стр. 352.

⁵⁸ Там же, стр. 233; Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. ТЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1953, стр. 267 и сл.

хану и туркменам⁵⁹. Не исключено, что гибель памятника связана с уходом языров с Балхана на юг. Можно предположить, что крепость Дуйнеш-кала нижняя существовала до монгольского времени и могла служить одним из опорных пунктов Язырского союза племен на Балханах.

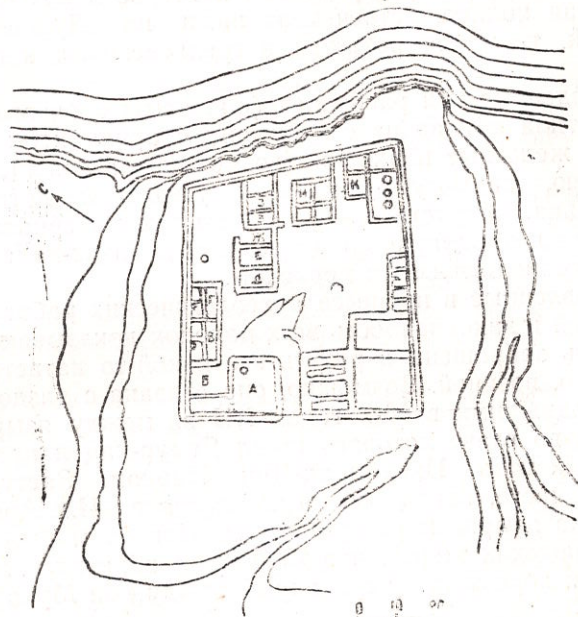

Рис. 3. План крепости Дуйнеш-кала верхняя.

Крепость Дуйнеш-кала верхняя расположена над нижней, на северном крае, у крутого обрыва основного массива Большого Балхана (рис. 3). Крепость представляет в плане неправильный четырехугольник (южная сторона — 58,7 м, западная — 58,5, северная — 53,5 и восточная — 68,0 м), ориентированный углами почти на

⁵⁹ Об этих событиях см.: Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. МИТТ, т. 1, стр. 398 и сл.; В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, стр. 585; А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв. Ашхабад. 1954, стр. 126.

страны света. Стены крепости и внутренние постройки сложены, как и в нижней, из необработанных известковых плит разных размеров, однако техника кладки, да и сами стены сильно отличаются: камень значительно мельче и светлее, в оплывах северной и западной стен на одинаковом расстоянии друг от друга в кладке видны бревна, лежащие перпендикулярно направлению стены.

Высота стен в настоящее время различна, наибольшая — 1,5—2,0 м, толщина не превышает 2 м. Стены разрушились, но бывшая кладка хорошо видна во многих местах. Внутри крепости прослеживаются остатки четырехугольных примыкающих к стенам построек. Толщина их стен — от 0,7 до 1 м. Вход в крепость хорошо виден в стене, противоположной обрыву. В середине сооружения заметны выходы скалистого материка. Развалины крепости заросли травой и кустарником. Вокруг имеются заросли арчи, но на самих развалинах арчи нет.

Благодаря тому, что за последние годы поверхность крепости значительно расчищена от камней удалось внести уточнение в план, снятый Хорезмской экспедицией в 1951 г. При этом выявлены любопытные детали, в том числе колодцы в восточной и северо-западной части крепости.

В северном углу помещения А видно углубление завалившегося колодца. Помещение Б состоит из двух частей: юго-западной (меньшей) и северо-восточной (большой), разделенных стеной. Между помещением Б и двором — проход. Вместо помещения Б были обнаружены три маленькие комнаты. Помещение Г имеет такую же планировку, как и помещение В. В западной части двора, который расположен в северном углу крепости, обнаружено углубление завалившегося колодца. Дворик соединен проходом с основным внутренним двором крепости.

Весь комплекс помещений, расположенных в северо-восточной части крепости, показан на плане 1951 г. неточно. Помещения Д и Е соединены внутренним проходом, помещение Ж значительно меньше по размерам, чем помещение Е. Помещение З состоит из трех комнат. Помещение И представляет собой комплекс из пяти небольших комнат, отделенных от помещения З узким ма-

леньким двориком или комнатой. Помещение *К* не стоит изолированно в восточном углу крепости, а входит в комплекс из четырех помещений различного размера, заполняющих восточный угол крепости. В большем из этих помещений, расположенном у юго-восточной стены, находилось три колодца. Возможно, в них в зимнее время создавались запасы снега впрок. Внутри крепости при внимательном осмотре встречаются мелкие обломки неполивной керамики ремесленной выделки. Собранный подъемная керамика аналогична подъемной керамике с нижней крепости Дуйнеш-кала. Поливной керамики не встречено. На основании аналогичной керамики подъемного материала нижней Дуйнеш-калы крепость можно датировать XIV—XV вв.

По рассказу местного информатора К. Дашбердыева (65 лет), в 1—1,5 км к югу от верхней крепости Дуйнеш-кала расположено кладбище Шехитли-ой. В 1,5—2 км на юго-запад находятся родники Баш-мунгур и Аяк-мунгур. Впервые посетивший верхнюю крепость Дуйнеш-кала А. А. Росляков пишет, что она, «...судя по сохранившейся планировке, была не родовым убежищем, а укрепленным жилищем богатой семьи»⁶⁰. Думается, что в данном случае А. А. Росляков неправ. Размеры крепости и сложность внутренней планировки не дают оснований для такого заключения. Скорее всего это укрепленный центр главы племени или объединения племен, возможно, ханская ставка.

На основании сведений Абу-л-Гази, С. П. Толстов⁶¹ связывает эту крепость с племенами дюеджи и эрсари. Предположение, что верхняя крепость могла принадлежать эрсаринцам, по всей вероятности, правильное. Что же касается возможности ее постройки дюеджи, то это мало вероятно, так как Абу-л-Гази отмечает, что последние обитали на Балханах очень непродолжительное время и были вытеснены эрсаринцами, которые жили здесь и ранее. Позднее сюда переселились под предводительством Халиля кара-ойли, вытесненные дюеджи с Актама⁶². Возможно, именно с появлением кара-ойли на

Больших Балханах получает распространение керамика «актамского» типа, характерная для средневековых поселений Нижнего Узоя и особенно района Актама. В связи с тем, что кара-ойли переселились на Большие Балханы только по соглашению с эрсаринцами⁶³, постройку верхней крепости можно, вероятно, связывать с усилением в этом районе группы эрсаринских племен в XIV—XV вв.

Следует отметить, что обе крепости расположены в наиболее удобном в стратегическом отношении месте — над обрывами самого высокого северного склона Большого Балхана, в труднодоступном месте. С крепостей просматривается вся местность на многие километры к северу от Балхана. Вместе с тем как довольно простая внутренняя планировка крепостей, так и весьма примитивная строительная техника их показывает, что строительство их производилось туркменским населением, мало знакомым с опытом возведения фортификационных сооружений. Стратегическое положение крепостей Дуйнеш-кала явно указывает на то, что они строились для отражения вражеского нападения с севера. Это заставляет вспомнить народное предание о том, что будто бы крепости пострадали от набегов калмыков⁶⁴. Значительные размеры крепостей, расположение их в труднодоступном месте, большое сходство их между собой при очевидной неодновременности и разнице в характере археологического материала могут свидетельствовать в пользу того, что в период существования как нижней Дуйнеш-калы, так и верхней, эти крепости были соответственно центрами обитавших здесь больших групп племен родственных, но различных в каждый из периодов обживания этих крепостей.

⁶³ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77—78.

⁶⁴ Под калмыками местные народные туркменские легенды подразумевали всех врагов, особенно северных; не исключено, что в данном случае калмыки отождествлялись в какой-то степени с монголами. По рассказу 67-летнего И. Реджепова, живущего у колодца Худайберды, крепости Дуйнеш-кала были разрушены калмыками. Несмотря на то, что они расположены на крутом обрыве, калмыки хитростью сумели овладеть ими. Кто-то донес калмыкам, что во время мусульманского праздника курбанлык туркмены заняты празднеством и даже охранники-сторожа снимаются с постов. Воспользовавшись этим, калмыки овладели крепостями.

⁶⁰ А. А. Росляков. История Туркменской ССР, т. 1. Ашхабад, 1955, стр. 339.

⁶¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 63.

⁶² Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

Керамика со средневековых поселений Нижнего Узоя и вопрос об этническом составе его населения

Дошедшие до нас остатки материальной культуры средневекового населения Нижнего Узоя в основном представлены керамикой. Вся керамика принадлежит единому археологическому комплексу, получившему в свое время по месту первоначальных находок название «актамского»⁶⁵, датируемого XV—XVII вв. При этом отмечалось ее своеобразие — «архаический» облик, в некоторых своих чертах сохраняющий традиции поздней античности (форма кувшина) и раннего средневековья (поливные чаши)⁶⁶. Однако сборы последних лет требуют уточнения как характеристики керамики, так и ее датировки.

Керамика с Нижнего Узоя составляет весьма своеобразный комплекс, характерный для восточного побережья Каспия вообще, но особенно для района Келькора, русел Актама и Аджайба.

Поливная керамика сделана из глины, принявшей после обжига ярко-красную окраску. Эти сосуды покрыты прозрачной свинцовой или оловянной поливой желтоватого с зеленым оттенком тона. Поливка положена поверх светлой ангобной подгрунтовки или желтовато-белого ангоба. По технике нанесения орнамента сосуды можно разделить на изделия с подглазурным расписным и гравированным узором⁶⁷. Иногда процарапанный подглазурный узор сочетается с зеленой расплывшейся росписью по желтому фону, что придает изделию особо нарядный вид. Несмотря на то, что целых сосудов почти нет, можно представить форму поливных изделий и мотивы их орнаментации. Орнамент в основном нанесен по бортику или в донной части блюд и тарелок.

Среди фрагментов блюд заслуживают внимания обломки края от блюда с плавно выгнутыми стенками и резко отогнутым наружу краем (рис. 4, 1). По бортику

Рис 4. Поливная керамика.

гравировкой нанесены concentрические круги, дающие под прозрачной глазурью более темный линейный узор. Круги разделены на малые и большие секторы, заполненные темно-зеленой, а верхние линии — коричневой краской. Ниже бортика с внутренней стороны проведена линия, заполненная коричневой краской. По внутренней стороне стенок идет темно-зеленая расплывчатая полоса раскраски, небрежно нанесенная под прозрачной

⁶⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 63; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма IX—XVII вв., стр. 329; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 340.

⁶⁶ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 340.

⁶⁷ Следует отметить, что фрагменты сосудов с глухой поливой малочисленны и имеют надглазурную роспись.

поливой. Полива покрывает блюдо как внутри, так и снаружи, глина красная, обжиг равномерный. Сосуд изготовлен на круге. Он имеет довольно близкую аналогию в керамике Азербайджана, которая датирована XIV—XV вв.⁶⁸

Обломок глубокого блюда с широким наклонным бортиком и перехватом у края. Край бортика слегка загнут внутрь (рис. 4, 6). Дно блюда не сохранилось. Вдоль верхнего и нижнего края бортика гравировкой нанесены парные параллельные линии, соединенные между собой поперечными штрихами. Глина хорошо перемешана, обжиг равномерный. Блюдо покрыто зеленоватой поливой по белому ангобу.

Фрагмент венчика красноглиняной миски с горизонтальным вогнутым внутрь краем. Миска покрыта снаружи поливой салатного цвета, с внутренней — желтого. По венчику черепок украшен в виде линий зигзагообразным гравированным узором и концентрическими кругами (рис. 4, 8).

Обломки бортика красноглиняного тонкостенного блюда, представленного двумя фрагментами. По бортику проходят горизонтальные концентрические круги, между которыми расположены гравированные спирали (рис. 4, 9, 10). Полива ярко-зеленая с желтым оттенком. Снаружи по венчику — следы потеков глазури.

Обломок стенки толстостенного красноглиняного сосуда. Фрагмент с двух сторон покрыт желтоватой прозрачной глазурью, с внутренней стороны под поливой — гравированный линейный и волнистый узоры и потеки зеленой краски (рис. 4, 11).

Описанные фрагменты по фактуре и декорровке находят себе близкую аналогию среди азербайджанских материалов, датированных В. Н. Левиатовым концом XIII—XV вв.⁶⁹

В очень редких случаях встречаются фрагменты венчиков и донышек сосудов, имеющих светло-розовый с сероватым оттенком или красновато-палевый цвет череп-

ка, с прозрачной голубой поливой и темно-синей подглазурной росписью кобальтом по белому ангобу. По бортику нанесен узор в виде концентрических широких и узких полос, между которыми по диагонали проходят короткие линии (рис. 4, 13, 23). Донце чаши внутри украшено расширяющимися, радиально расходящимися черными полосами и пятнами, напоминающими листья (рис. 4, 14). Чаша имеет низкий кольцевой поддон, снаружи по венчику идут потеки голубой поливы. Аналогии таким фрагментам можно наблюдать в Азербайджане в керамике XIV—XV вв.⁷⁰

Обломок боковой и донной части сосуда. С внутренней стороны украшен двумя рядами концентрических гравированных кругов по пять параллельных линий в каждом. Между этими рядами также имеются гравированные крупные спиралевидные завитки (рис. 4, 16). Зеленая краска разбросана пятнами поверх гравировки. Снаружи сосуда местами тоже сохранилась желтая полива. Черепок ярко-красный, глина имеет примесь мелкого песка. Этот фрагмент имеет аналогию среди бакинских материалов из дворца Ширваншахов, датирующих-ся XIV—XV вв.⁷¹

Часть дна с кольцевидным поддоном от небольшого блюда, украшенного несложным узором (рис. 4, 17). По центру проходят три концентрические линии, нанесенные гравировкой по желтоватому ангобу. Выше их помещен гравированный мотив бегущей волны с завитками, направленными в противоположную сторону. Полива, очевидно, двусторонняя, такого же характера, как у вышеописанного черепка.

Обломок верхней части красноглиняного блюда. По бортику проведены параллельные линии, между которыми через определенные промежутки расположены небольшие примыкающие друг к другу запятые, гравированные по беловато-желтому ангобу (рис. 4, 18). Сосуд имеет двустороннюю салатную поливу с зеленым оттенком.

⁶⁸ В. Н. Левиатов. Археологические раскопки 1945 г. при дворце Ширваншахов в Баку. «Изв. АН АзССР», 1948, № 1, стр. 120; его же. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VIII—XV вв. «Изв. АН АзССР», 1946, № 7, стр. 44 и сл.

⁶⁹ В. Н. Левиатов. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VIII—XV вв., стр. 44—45.

⁷⁰ Н. Н. Наджафова. Художественная керамика Азербайджана XII—XV вв. Баку, 1964, стр. 35.

⁷¹ В. Н. Левиатов. Об археологических раскопках в 1946 г. в Баку. «Изв. АзФАН СССР», 1948, № 8; Н. Н. Наджафова. Указ. раб., стр. 38 (рис. 37).

Обломок красноглиняной чаши с простым краем. Характер и цвет поливы и узора те же, что у предыдущих сосудов, но здесь более сложное сочетание пересеченных, раскрученных спиралей, нанесенных по белому ангобу (рис. 4, 19).

Фрагмент маленького венчика красноглиняной чаши. С внутренней стороны по венчику и ниже его идут параллельные гравированные линии, пересеченные вертикальными штрихами. Их сочетание создает узор ромбической сетки (рис. 4, 20). Полива прозрачно-желтоватая с зеленоватым оттенком. Подобная керамика обнаружена в памятниках XIV—XV вв. Азербайджана⁷².

Обломок толстостенного красноглиняного сосуда. С внутренней стороны имеет простой гравированный орнамент в виде двух параллельных линий, между которыми заключена бегущая волна с обратными завитками (рис. 4, 21). Полива стертая; снаружи и внутри сосуда желтовато-белый ангоб. По гравировке сохранились следы черной и коричневой прозрачной поливы. Фрагмент по фактуре и узору находит себе аналогию среди керамики Азербайджана (Ширваншах), датированной началом XV в.⁷³

Фрагмент красноглиняного толстостенного сосуда из хорошо отмученной глины; черепок плотный. Сосуд с двух сторон покрыт поливой желтоватого цвета. С внутренней стороны — три concentрических круга и по ним знак, напоминающий букву С (рис. 4, 22).

Часть дна небольшого блюда на низкой кольцевой ножке. Дно сосуда украшено двумя гравированными concentрическими кругами, между которыми располагались также гравированные короткие радиальные полосы (рис. 4, 31). Полива желтоватого цвета с зеленым оттенком. Черепок коричневато-красный в изломе, глина хорошо отмученная. Он находит очень близкую аналогию по фактуре и декорровке среди азербайджанских материалов из Баку при дворце Ширваншахов, которые были датированы XIV—XV вв.⁷⁴

Оригинально орнаментированное блюдо. Почти цели-

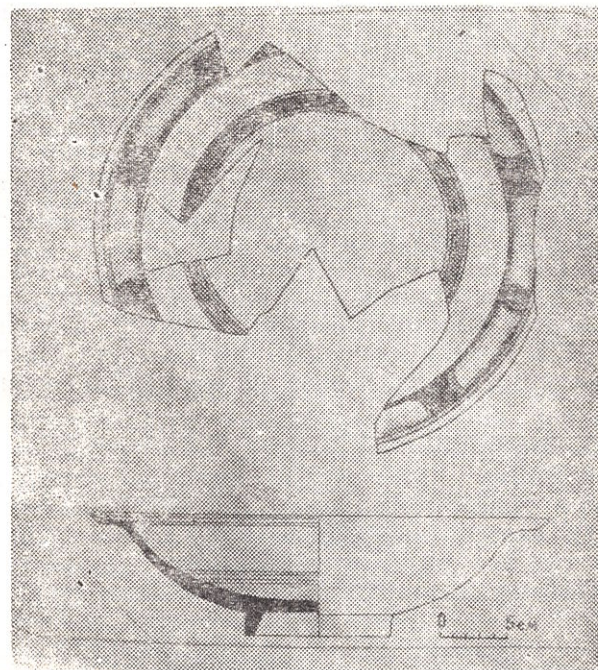

Рис. 5. Поливная чаша

ком сохранилось, происходит из поселения на северо-восточном берегу Келькора в 15 км от истока русла Актама. Оно изготовлено на кольцевом поддоне. Само блюдо неглубокое, с плавно выгнутыми стенками и резко отогнутым наружу краем (рис. 5). Тесто красное, обжиг равномерный, блюдо изготовлено на круге. Все блюдо, кроме поддона, было покрыто светло-желтым ангобом, прозрачные полосы и другие элементы орнамента заполнялись темной зеленовато-черной краской. Внутренняя часть блюда поверху была покрыта прозрачной желто-зеленой поливой, орнамент — прочерченный. Он украшает отогнутый край блюда в виде полосы, ограниченной с каждой стороны двумя прочерченными линиями. Между ними на равном расстоянии расположены, чередуясь, два типа изображений: в виде вертикально поставленного овала, очерченного двумя линиями и укра-

⁷² В. Н. Левинатов. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VIII—XV вв., стр. 44 и сл.; его же. Об археологических раскопках 1946 г. в Баку.

⁷³ Н. Н. Наджафова. Указ. раб., стр. 80.

⁷⁴ Там же, стр. 39 (рис. 39).

шенного по внешнему контуру «бахромой», и в форме, близкой «песочным часам». По сторонам этого изображения, покрытого густой косой штриховкой, проведены по две дугообразные линии, повторяющие контуры боковых сторон основного изображения. Центральная часть блюда обрамлена полосой, также ограниченной с каждой стороны двумя прочерченными линиями, между которыми изображены часто повторяющиеся «запятые» или узоры в виде «дужек» на боку.

Обломок стенки с венчиком от красноглиняного блюда или, скорее, крышки (рис. 6, 2). Венчик отогнут наружу, бортик высоко приподнят и имеет вид подтреугольной в разрезе площадки. Внутри сосуд светлый с желтоватым оттенком, полива прозрачная по белому ан-

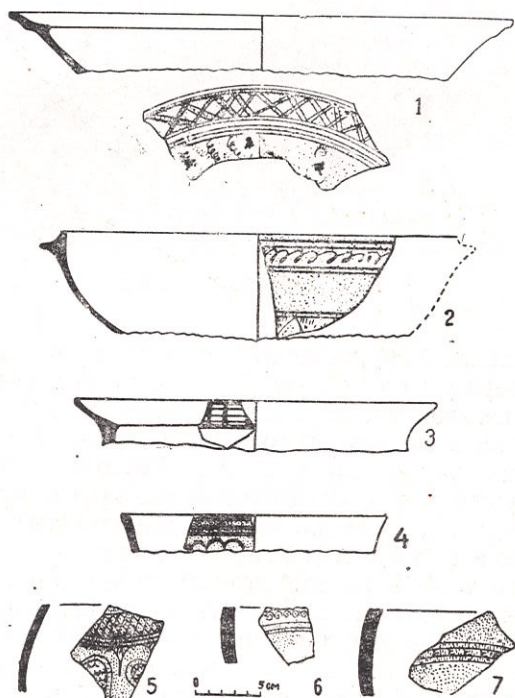

Рис. 6. Поливная керамика.

гобу. По краю бортика и желобку нанесена желтая полива с красновато-коричневым оттенком. По краю венчика — зеленая краска. Снаружи сосуд украшен гравированным темно-зеленым и коричневым орнаментами по белому ангобу под желтой прозрачной поливой. Гравированный орнамент нанесен по верхней части сосуда, ниже венчика, в виде неравномерно растянутой пружины, ограниченной сверху и снизу двумя парными параллельными линиями. На нижней части сохранившегося фрагмента — следы гравированного орнамента в виде концентрических кругов, штрихов и волнистых линий. Полива снаружи прозрачная светло-желтого цвета с зеленым оттенком.

Обломки тарелок со слегка гофрированным краем. По бортику нанесен подглазурный резной орнамент в виде концентрических линий по его верхнему и нижнему краю, между которыми располагается гравированный геометрический орнамент в виде пересекающихся ромбов. По сохранившейся части стенок, ниже бортика, идут две концентрические гравированные линии, от них вертикально вниз отходят растянутые спирали, чередующиеся с орнаментом, напоминающим букву S с сильно закрученными концами (рис. 6, 1). По гравировке нанесена темно-зеленая роспись, сочетание которой с гравировкой, украшает сосуд. Полива — прозрачная с желтовато-зеленым оттенком. Черепок плотный, имеется примесь мелкого песка. Обжиг неравномерный.

Фрагмент дисковидного поддона красноглиняной поливной чаши. На нижней части поддона потеки желтоватой краски. Внутригравированный орнамент в виде несложного растительного узора, вписанный внутрь двух параллельных кругов. По контуру гравировки нанесена темно-зеленая роспись, весьма расплывчатая (рис. 7, 2). В сочетании с гравировкой эта роспись очень украшает чашу. Выше этого узора идет прозрачная полива по желтому фону. Имеется еще несколько фрагментов от донной части блюд с гравированными узорами, аналогичными вышеописанным фрагментам.

Донная часть красноглиняного толстостенного сосуда. Тесто плотное с примесью мелкого песка, обжиг равномерный. Сосуд имел низкий кольцевой поддон. Снаружи он покрыт поливой густого желтого цвета. С внутренней стороны, в центре дна, нанесены гравировкой четыре па-

параллельных концентрических круга. Внутри этих кругов, к центру проведены по три и четыре параллельные полосы, между которыми вписаны один в другой частично заштрихованные треугольники (рис. 7, 1).

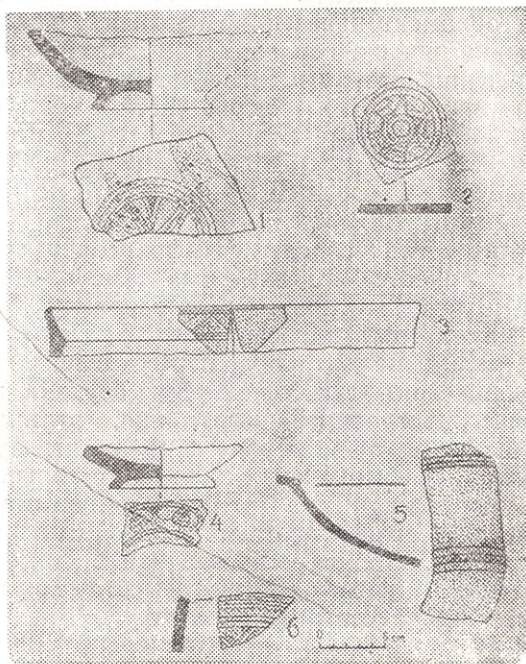

Рис. 7. Поливная керамика.

Большинство стенок сосудов, найденных на Нижнем Узбое, по узору, тесту и глазури повторяет вышеописанные фрагменты. Но некоторые фрагменты заслуживают отдельного описания.

Фрагмент стенки крупного красноглиняного, вероятно, кувшинообразного сосуда. Толщина стенок 0,7 см (см. рис. 6, 5). С обеих сторон он покрыт прозрачной зеленовато-желтоватого цвета поливой, а с наружной стороны дополнительно украшен гравированным орнаментом. Этот орнамент может быть разделен на несколько зон. По плечикам проведены два ряда горизонтальных линий, между которыми заключена глубоко прорезанная

сетка. От нижней горизонтальной линии спускаются подтреугольные фестоны, внутри которых проведена совпадающая с ней вершиной параболоидная линия. Ниже идет растительный орнамент, вероятно, из лепестков, заполненных рядами раскрученной спирали.

Фрагмент донной части красноглиняного толстостенного сосуда. Тесто плотное, обжиг равномерный. Сосуд имел низкий кольцевой поддон, с расширяющимися краями. Полива прозрачная, желтовато-зеленоватая (местами густыми пятнами зеленого цвета), положенная на светло-желтый ангоб. Сохранившаяся часть сосуда с внутренней стороны имеет гравированный орнамент растительного характера, предположительно из листочков (вписанных в другой усеченный сердцевидный лист), заполненных рядами раскрученной спирали. Этот орнамент заключен между двумя параллельными линиями (рис. 7, 4).

Расписные орнаменты обнаружены на фрагментах сосудов следующих типов.

Фрагмент тонкостенного красноглиняного станковой работы сосуда. Снаружи сосуд покрыт красным ангобом, внутри расписан по ангобной подгрунтовке широкими вертикальными полосами коричневой краски под прозрачной желтой глазурью (см. рис. 4, 2). Узор — в виде расходящихся лучей.

Фрагмент бортика блюда с красноватым тестом. По бортику нанесены широкие бантообразные полосы орнамента, роспись надглазурная коричневой краской (см. рис. 4, 4). Полива непрозрачная, жидкая.

Обломок верхнего края толстостенной красноглиняной чаши. Сосуд расписан радиальными лучеобразно расходящимися от центра линиями (см. рис. 4, 5). Полосы заполнены цветными глазурями темно-коричневого и зеленого цвета, чередующимися друг с другом. Сосуд покрыт глазурью только изнутри. Черепок очень тонкий, обжиг равномерный. Фрагмент с радиальными полосами находит себе аналогии в Азербайджане среди керамики XIV—XV вв.⁷⁵ Следует отметить, что эта керамика имеет близкие аналогии с керамическими материалами из Мешхед-и-Мисриана, собранными в 30-х годах А. А. Марущенко.

⁷⁵ Н. Н. Наджафова. Указ. раб., стр. 18.

Нижняя часть толстостенного блюда на кольцевом поддоне. В центре дна коричневой краской нанесен крупный рисунок, напоминающий букву З (см. рис. 4, 7). Вокруг помещены изображения четырех симметрично расположенных кругов, внутренность которых заполнена косыми решетками, напоминающими ромбическую сетку, нанесенную коричневой и буро-желтой краской. Черепок с примесью дресвы. В изломе он красноглиняный, обжиг равномерный, полива коричневатого-желтого цвета, непрозрачная. Аналогичные сосуды с узорами, напоминающими букву З, с фиолетовой краской и желтоватой прозрачной глазурью, описывает Н. Н. Наджафова среди азербайджанских материалов, которые она датирует XIV в.⁷⁶ Аналогичные по форме и материалу сосуды из Баку (Ширваншах) описывает В. Н. Левиатов, который датировал их концом XIII — первой половиной XIV в.⁷⁷

Фрагмент стенки с частью доньшка от красноглиняного толстостенного станковой работы блюда. По сохранившейся части сосуда можно представить, что орнамент нижней части стенки разделен на три или четыре круга (как на рис. 4, 7), нанесенных коричневой краской (см. рис. 4, 30). Внутри круга помещен узор из лучеобразно расходящихся от центра круга чередующихся темно-зеленых и коричневых линий. Между полосами нанесены зеленой краской S-образные знаки. Полива прозрачная, желтовато-салатного света. Черепок плотный, отмечается примесь мелкого песка и дресвы, обжиг хороший.

Таким образом, нижеузбойская поливная керамика выделяется компактностью нанесенного на поверхность сосудов орнамента и яркостью красок. Она украшена двумя видами декора — гравировкой и росписью: а) блюда украшены одной гравировкой под прозрачной глазурью в виде маленьких квадратиков, кружков, завитков, растянутой пружины спирали, ромбической сетки, парных косых линий, косых решеток, шнуров, виноградных усиков и др., иногда эти гравировки заполнены потеками зеленой краски; б) сосуды расписаны в виде геометрических и растительных орнаментов под прозрачной

⁷⁶ Н. Н. Наджафова. Указ. раб., стр. 44.

⁷⁷ В. Н. Левиатов. Археологические раскопки 1945 г. при дворце Ширваншахов в Баку, стр. 120.

глазурью, большинство на желтом фоне; среди них самую большую группу составляет подглазурная гравировка.

Поливная керамика Нижнего Узбоя находит себе близкие аналогии прежде всего среди азербайджанских материалов, в частности среди керамики из дворца Ширваншахов в Баку. Эта последняя совершенно тождественна актамской по технике и по орнаментации.

Пять фрагментов керамики аналогичны материалам из Хорезма. Среди них два фрагмента от кашинных изделий с двусторонней молочно-белой и бирюзовой поливой и черной росписью в виде растительного орнамента (см. рис. 4, 25, 26). Наиболее близкую аналогию эти фрагменты находят среди керамики Хорезма, которая датирована по нумизматическому материалу (золотоордынскими монетами) XIII—XIV вв.⁷⁸ Подобную керамику Б. А. Литвинский датирует XIV—XV вв.⁷⁹

Один фрагмент от глубокого сосуда в виде пиалы со слегка изогнутыми стенками, кольцевой ножкой (рис. 4, 28) напоминает китайские фарфоровые сосуды типа «кобальт» с синей росписью по белому фону. Сосуд покрыт прозрачной беловато-голубоватой поливой типа кашина. Внутри по доньшку и снаружи сохранившаяся часть стенки покрыта растительным узором, нанесенным темно-синей краской. Аналогичные предметы на Таш-кале в Куня-Ургенче датированы XVI—XVII вв.⁸⁰ Подобные изделия из Новой Нисы датированы М. И. Вязьмитиной XV — началом XVI в.⁸¹

Еще два фрагмента, встреченные среди нижеузбойских поливных материалов, можно, вероятно, отнести к собственно китайской фарфоровой посуде типа «кобальт». Они тоже находят себе аналогии среди хорезмских материалов, датированных XV—XVII вв.

Н. Н. Вактурская при описании поливной керамики с Нижнего Узбоя отмечает, что поливные сосуды «актам-

⁷⁸ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), стр. 320—326.

⁷⁹ Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. ЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1958, стр. 269.

⁸⁰ Н. Н. Вактурская. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 474—485.

⁸¹ М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса. ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 167.

ского» типа сделаны из простой гончарной глины, принявшей после обжига ярко-красную окраску, и облицованы прозрачной свинцовой поливой чуть зеленоватого или желтоватого оттенков, которая положена поверх светлой ангобной подгрунтовки⁸². Она датировала эту керамику поздним средневековьем — XV—XVII вв., хотя такая датировка автором не обоснована. Возможно, это единичные находки обломков кашинных чаш или фрагментов фарфоровых сосудов под «китайский кобальт». Но нельзя согласиться с Н. Н. Вактурской относительно датировки «актамской» керамики XV—XVII вв., так как этому противоречит датировка ее по аналогиям с материалами из Азербайджана, с которыми она только и обнаруживает сходство по всем признакам и во всех категориях сосудов (поливной, красноглиняной, неполивной и в кухонных котлах). Следует отметить, что если датировка «актамской» керамики и соответственно поселений XIV—XV вв. совпадает по времени с данными источников об обводнении Узоя и густонаселенности его берегов, и даже, как нам представляется, помогает уточнить их, то датировка Н. Н. Вактурской материалов с Актама никак не увязана со временем обводнения Узоя, его населенностью и остается открытым вопрос о том, как могли существовать поселения без воды. (Даже при современной технике в районе Актама, Аджайба и Келькора не обнаружено водоносного слоя, содержащего пригодную для питья воду. Вода доставлялась сюда из Ясхана и лишь в районе курорта Молла-Кара существовал небольшой соленый колодец).

Вероятнее всего, что датировка практически всех обломков кашинных чаш и фрагментов сосудов под «китайский кобальт», найденных в комплексах «актамской» керамики, не противоречит датировке комплекса XIV—XV вв., так как эти изделия употреблялись в XV в. Что же касается находок «актамской» керамики (почти исключительно неполивной) на сарыкамышских оросительных системах, датируемых по хорезмийским материалам XVI в., то, видимо, после прекращения тока воды в Узбое часть туркменского населения, переселившаяся к Сарыкамышу, принесла туда свою керамику, которая могла даже сохранить почти без изменения свои формы,

так как оторвалась от основного района ее бытования и ремесленного производства Азербайджана и прикаспийских районов. Но, возможно, продолжалось развитие форм и типов, о чем судить по малочисленным и сильно фрагментированным материалам с берегов Сарыкамыша нельзя.

Наибольшую часть собранного керамического материала из района Нижнего Узоя (по руслу Актама, Аджайба и в районе Келькора) составляет неполивная бытовая посуда. Неполивная керамика «актамского» типа изготовлена из глины с примесью сильно размельченного гипса или песка. Судя по собранному материалу, она представлена хумами, хумчи, кувшинами, горшками, кухонными сосудами, сделанными вручную, котлами и горшками. Большинство сосудов имеет черепок красного цвета, но встречаются фрагменты и серо-желтого, реже — коричневого или совсем темного, почти черного цвета. Актамские неполивные сосуды часто украшались прочерченным, волнистым и линейным орнаментами. Иногда поверхность сосуда покрывалась красным ангобом, по которому лощением наносились несложные узоры в виде полос, сеток и т. д. Стоит отметить, что вместе с керамикой в подъемном материале встречается керамический брак, шлаки и треугольные подставки, употреблявшиеся при обжиге изделий, что доказывает их местное производство.

Хумы — наиболее характерный для «актамского» комплекса вид неполивной керамики — в большом количестве были найдены на Аджайбе в урочище Куня-Огурджа. Описание их опубликовано в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции⁸³. Хумы отличаются большими размерами (рис. 8, 2). Например, высота одного из них, полностью восстановленного, составляет 1,2 м, при толщине стенок не более 1 см. Отличается этот сосуд высоким горлом и слегка отогнутым наружу венчиком, диаметр которого 30 см. У него широкие покатые плечи и маленькое плоское дно до 10 см в диаметре. Сосуд изготовлен на кругу, глина с примесью песка, тесто красновато-коричневого цвета. Низ венчика украшен налепным валиком с защипами. На плечиках

⁸² Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 341.

⁸³ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 340—343.

хумов обычно встречаются прочерченный волнистый и линейный орнаменты.

Хумчи по форме, тесту и орнаментации можно разделить на два типа. К первому относятся сосуды, по форме близкие к хумам. В коллекции есть один целый экземпляр (рис. 8, 3). Он имеет более низкую, чем хумы, широкую шейку со слегка отогнутым наружу утолщенным краем. Место выгиба располагается на внешней стороне под венчиком, как у хума. Узор с защипами на валике, пальцевыми зажимами по рельефной полоске. Для этого типа характерны широкие покатые плечи с раздутым туловом. Диаметр края — до 22 см, высота 45—50, диаметр дна — 20 см, наибольший диаметр тулова — 40 см. Обжиг равномерный, черепок в изломе красновато-коричневого цвета. Фрагменты подобных хумчи найдены в большом количестве на каждом поселении Нижнего Узбоя.

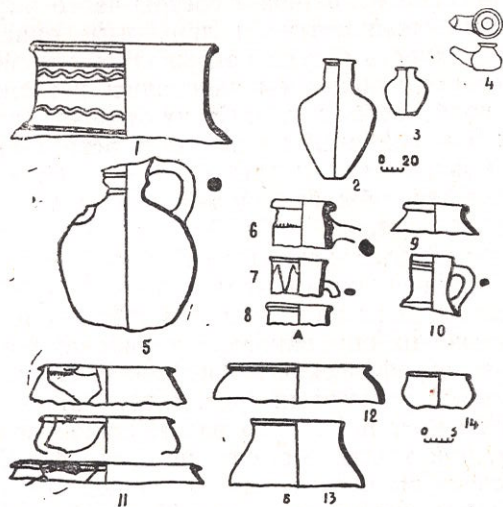

Рис. 8. Неполивная керамика.

Второй тип хумчи отличается от первого как по фактуре, так и по форме и орнаментации. В коллекции он представлен обломками горловин с венчиками, а также стенок и доннышек. Эта группа хумчи изготовлялась из низкокачественной глиняной массы с примесью дресвы и

чрезвычайно большого количества песка. Черепок пористый. Венчик с отогнутым наружу скругленным бережком («клювовидным» или подтреугольным в сечении) выступает наружу в виде узкого бортика нижним краем (рис. 8, 1). Бережок венчика резко скошен вниз. Толщина венчика равна толщине стенок. Поверхность сосудов покрыта коричневато-красноватым ангобом. По краю венчика идет симметрично повторяющийся узор в виде прорезной или вдавленной линии. Горло украшено сочетанием параллельных, прямых и волнистых линий, проведенных концом палочки. Иногда по горлу дополнительно нанесено слабое полосчатое лощение. Диаметр края колеблется от 20 до 33 см, обжиг окислительный, частично восстановительный. Некоторые обломки являются керамическим браком. В большом количестве эти сосуды встречены на поселении русла Аджайб. Вокруг солончака Келькор и по руслу Актама они не встречаются. Таким образом, этот тип хумчи характерен только для района русла Аджайба и мог изготовляться только на месте, так как он не пригоден для перевозки.

Кувшины встречаются довольно часто, но в очень фрагментированном виде. В сборах представлены обломки венчиков, доннышек и стенок от разных толстостенных и тонкостенных сосудов. Например, обломок горла с венчиком и ручкой от толстостенного красноглиняного широкогорлого кувшина. Венчик со слегка отогнутым наружу суживающимся краем (рис. 8, 6). Посередине горла проходит слабо выраженный выступ, на который нанесен вертикальный штриховой орнамент. Петлеобразная овальная в сечении ручка прикреплена верхним концом к этому выступу. Тесто с примесью мелкого песка. Диаметр края 10 см.

Можно отметить также более тонкостенные широкогорлые кувшины с цилиндрическим горлом, с плечиком, отходящим почти под прямым углом, и слабо выраженным простым манжетовидным венчиком. Диаметр края в основном равняется 9—10 см, высота горла около 12 см, толщина стенок от 0,3 до 0,7 см.

В большом количестве представлены венчики тонкостенных сосудов, прямые или слегка отогнутые наружу. Ручки у них округлые, округло-овальные или овальные в сечении. Тесто таких сосудов в большинстве случаев не имеет примесей, но встречаются черепки с примесью

мелкого песка. Поверхность некоторых сосудов покрыта красным или коричневым ангобом. Попадаются обломки темных, почти черных сосудов. Такие кувшины украшены по горлу полосчатым лощением в виде горизонтальных зигзагообразных линий⁸⁴.

В урочище Куня-Огурджа найден почти целый узкогорлый кувшин с чрезвычайно раздутым туловом и цилиндрическим носиком. Ручка — круглая в сечении (рис. 8, 5). Ангоб красновато-коричневатый и по нему идет линейное лощение. Кувшин изготовлен на гончарном круге из глины с примесью крупного песка. Черепок пористый, в изломе землистый.

Надо отметить также кувшинообразный сосуд станковой работы, напоминающий современный чугунный кумган (рис. 8, 10). Он имеет прямой венчик и круглую в сечении ручку, по горлу и плечу сосуд орнаментирован линейным узором или углублением. Снаружи сосуд имеет следы копоти, в глине отмечена примесь песка. В изломе черепок темно-серый, снаружи черный.

Много обломков венчиков принадлежит горшкообразным сосудам, изготовленным на круге. Отмечается примесь мелкодробленой дресвы и шамота. Сосуды имеют неравномерный обжиг. Диаметр края в основном равняется 18—32 см.

На Нижнем Узбое в большом количестве также встречаются тонкостенные красноглиняные чаши с прямым или слегка отогнутым венчиком. Среди них встречаются чаши, покрытые красным или коричневым ангобом. Их глина очень хорошо промешана, черепок в изломе обычно красного цвета, хотя встречаются иногда темно-серый или совсем черный.

Светильники Нижнего Узбоя хорошо сформованы и имеют довольно тщательную выделку. Они делятся по форме на два типа:

1. Асимметричные светильники, напоминающие корпус удлиненной однобокой выючной фляги (рис. 9, 5, 8). Дно у них широкое, носик плоский, плавно поднимающийся кверху. Горло располагалось, очевидно, на середине корпуса. Оно довольно узкое и имеет отогнутый

венчик с широким бережком (рис. 9, 3, 4). В глине наблюдается примесь песка. Обжиг хороший, дающий черепок красного цвета. На конце носика светильников — следы копоти.

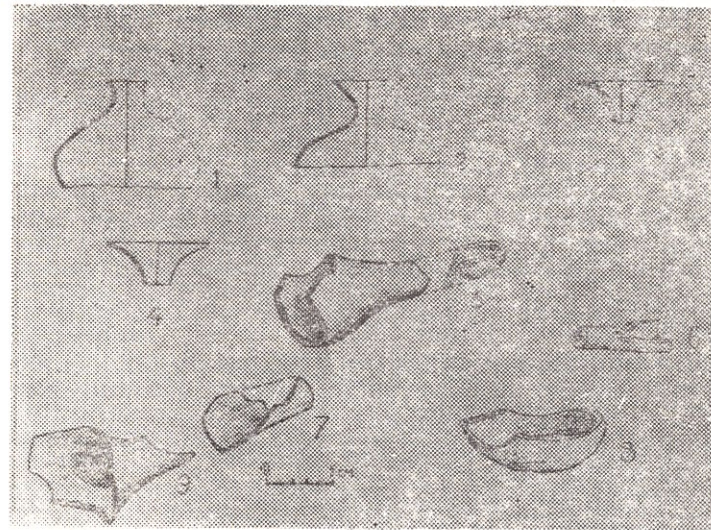

Рис. 9. Светильники.

2. Другая, наиболее распространенная форма светильника, характеризуется раздутым шаровидным туловом и узким воронкообразным горлом (см. рис. 8, 4; 9, 1, 2). Дно плоское. К корпусу прикреплен длинный трубчатый конический носик. На нескольких обломках видны следы ручек. Тесто красноглиняное с примесью песка, обжиг равномерный. Эти светильники находят себе близкую аналогию среди азербайджанских (бакинских) материалов⁸⁵.

⁸⁵ Большинство бакинских светильников по форме аналогичны вышеописанным светильникам, но по фактуре сделаны из другого теста. Они преимущественно желтоглиняные. Исключением является только один экземпляр из слоя XIV—XV вв. (Баку, 1964, инв. № 2, из раскопок О. Исмизаде). По форме и фактуре он точно соответствует светильникам с Нижнего Узбоя. Красноглиняные светильники в других средневековых городах Азербайджана пока не встречены. Об этом же упоминается в подготовленной к печати работе «Памятники Азербайджана XIII—XV вв.». К. Мамедзаде и Г. Джидди.

⁸⁴ Подобные сосуды с лощением встречаются среди керамического материала Баку в раскопе 1966 г. в комплексе XIV—XV вв., который хранится в архиве Института истории (инв. № 143, 312).

В коллекции встречаются в большом количестве ручки от маленьких сосудов, кувшинов, горшков, плоские, круглые и гладкие, имеющие в месте прикрепления к сосуду следы от нажима пальца.

Несколькими обломками представлены треугольные подставки для обжига сосудов, фрагмент сосуда в виде песочных часов, а также обломок от воронки.

Керамика ручной лепки характеризуется примесью большого количества песка. Среди нее можно отметить горшкообразные сосуды, которые по форме не отличаются от сосудов, изготовленных на круге. Но абсолютное большинство среди изделий ручной выделки составляют котлы. Котлы в огромном количестве встречаются почти на всех поселениях Нижнего Узбоя. В их тесте содержится большое количество песка. Котлы имеют раздутое тулово и прямые покатые плечи, окаймленные широким округлым бережком (см. рис. 8, 11). На внутренней стороне венчика часто имеется вогнутый желобок, а снаружи с двух или четырех сторон — горизонтальные подтреугольные или дугообразные выступы — ручки в виде скоб.

Другой тип венчика такого же котла имеет резко отогнутый край (см. рис. 8, 12). Найденные фрагменты не имеют ручек. В средней части сосуда имеется резкий перегиб в виде ребра, от которого идет плавное сужение ко дну. Ниже ребра стенки котлов утончаются. Дно, как правило, не сохраняется. Диаметр края в основном равняется 24—26 см, иногда — 30, но встречаются экземпляры с диаметром 12—14 см. Описываемые котлы обычно без орнамента, но иногда снаружи неравномерно залощены горизонтальными полосами. Исключением является обломок венчика маленького котелка (см. рис. 8, 14) с процарапанным штриховым узором. Этот сосуд, возможно, является детской игрушкой; диаметр его края — 12 см, тесто с примесью песка без следов копоти.

Очень похожие по фактуре котлы встречаются среди керамических изделий из дворца Ширваншахов⁸⁶. Эти изделия местного производства, а их сходство с азербай-

джанскими может быть доказательством преемственной связи материальной культуры этих двух народов (то есть тюркоязычных племен Азербайджана и туркмен восточного побережья Каспийского моря в средневековье), имеющих определенную этническую и историческую общность.

Неполивные глиняные изделия хозяйственного назначения ручной работы распространялись обычно на сравнительно узкой территории, так как из-за своей хрупкости они не могли перевозиться на далекие расстояния. Поэтому эти предметы свидетельствуют о местном характере гончарного производства. Место изготовления их на Нижнем Узбое пока не установлено. Однако нахождение треугольных подставок, керамического брака и шлаков явно свидетельствует о том, что они изготавливались на месте, но в каком размере — пока не удалось установить.

Описываемый нами комплекс керамики не находит аналогий в среднеазиатском материале. Параллели ему удалось обнаружить среди азербайджанской керамики из района Баку, особенно из дворца Ширваншахов, датируемой монетами конца XIII—XV вв. Характерная для «актамской» керамики подглазурная гравировка и желтовато-зеленоватого оттенка полива, преимущественно прозрачная, при красновато-кирпичном цвете черепка появляется в азербайджанском комплексе с конца XIII в., причем гравировка позже XV в. не встречается. Свойственная «актамской» поливной керамике форма блюд и чаш с расширяющимся к краю кольцевым поддоном распространена в азербайджанской керамике в XIV—XV вв. Некоторые фрагменты из Азербайджана и с Нижнего Узбоя настолько сходны по форме, фактуре и орнаментации, что даже создается впечатление, что они от одного сосуда. Примером может служить фрагмент с Нижнего Узбоя из урочища Куня-Огурджа (см. рис. 4, 16—31) и обломки блюд из Баку, опубликованные Н. Н. Наджафовой и датированные XIV—XV вв.⁸⁷

Неполивная керамика Нижнего Узбоя, светильники, котлы и красноглиняная лощеная керамика также находят аналогии в азербайджанском материале XIV—XV вв. (Абу-л-Гази относит заселение Нижнего Узбоя

⁸⁶ Раскопки О. Исмизаде. Материалы хранятся в архиве Института истории АН АзССР. Баку, 1964, инв. № 8; Крепость, 1966, инв. № 355.

⁸⁷ Н. Н. Наджафова. Указ. раб., стр. 38.

тоже к середине XIV в.). Можно считать, что поливная и неполивная керамика Нижнего Узбоя составляет единый комплекс, который можно датировать началом XIV—XV вв.

Таким образом, пользуясь сравнительным методом для определения конкретных хронологических дат керамических материалов Нижнего Узбоя, основное внимание было обращено на свойства черепка и глазури, на форму сосуда и стиль росписи. Введение его в научный оборот представляет большой интерес, так как это новый источник для изучения культуры средневекового населения Узбоя слабо освещен письменными источниками.

При датировке керамики Нижнего Узбоя необходимо также учитывать возможные хронологические рамки обводнения Узбоя. По всей вероятности, средневековые поселения на берегу Узбоя должны быть связаны с эпохой последнего обводнения этого древнего русла. В пользу этого говорит тот факт, что все находки, особенно на Нижнем Узбое, концентрируются ближе к воде, а вдали от берега встречаются редко.

Для выяснения вопроса об этническом составе населения Нижнего Узбоя в средневековье следует прокомментировать «Родословную туркмен» Абу-л-Гази.

По Абу-л-Гази, жизнь на Узбое в средневековый период возрождается с началом XIV в. и с последним обводнением его⁸⁸. Подтверждающим материалом являются сведения о происхождении трех небольших «племен» (салоры во главе с Огурджиком, кара-ойли во главе с Кашга-Чора и дюеджи), населявших этот район. Известно, что золотоордынский хан Джаныбек переселил тридцать семей погонщиков верблюдов тиведжи (дюеджи.— Х. Ю.) в Балханские горы, так как эта местность считалась очень хорошей для разведения верблюдов⁸⁹. Далее отмечалось, что после смерти Бердибека (1359) туркмены, жившие на Балхане, напали на дюеджи и захватили у них ханских верблюдов. После этого дюеджи, решив заняться рыбной ловлей, поселились возле кара-ойли,

⁸⁸ Ссылаясь на рассказ того же Абу-л-Гази, А. Ю. Якубовский относит начало жизни на Узбое к XIV в. (А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 167.

⁸⁹ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

потомков Кашга-Чора. Здесь можно предположить, что, когда в середине XIV в. дюеджи переселились на Нижний Узбой, там обитали уч-илинские «племена» кара-ойли — потомки четвертого сына раба Мама Бике Кашга-Чора. Абу-л-Гази пишет, что «он — Кашга-Чора — тоже обосновался на берегу реки Аму, близ Аджы-тенгиза...»⁹⁰. Подобно своим старшим братьям, он разбогател, но к нему никто не присоединился, потому что земля, которой он владел, была плохая; мест, пригодных для посевов, не было, и травы, на которой можно было бы пасти скот, тоже было мало⁹¹.

Родоначальником кара-ойли был Кашга-Чора, четвертый сын раба Мама Бике — дочери Эрсары-бая. Это имя известно по Абу-л-Гази в связи с Шереф Ходжой — автором «Муин-ал-Мюрид», написанным в 1313—1314 гг. Таким образом, жизнь Эрсары-бая относится к началу XIV в. Приведенные аргументы позволяют говорить о том, что заселение Нижнего Узбоя кара-ойли относится к первой половине XIV в. Даже если они переселились на Нижний Узбой незадолго до дюеджи, все равно это должно было произойти не позднее первой половины XIV в. Что касается дюеджи, то их поселения на Нижнем Узбое, по рассказу Абу-л-Гази, относятся к середине XIV в. Эти данные также косвенно свидетельствуют об обводнении Узбоя, так как только в связи с ним приузбойские районы бурно начали заселяться в XIV—XV вв. Абу-л-Гази подчеркивает разнородность дюеджи, как и большинства этнических групп, образовавшихся в это время близ Узбоя.

Г. П. Васильева, руководившая Туркменским этнографическим отрядом в Юго-Западной Туркмении в 1955 г. и собиравшая там полевые этнографические материалы, предполагает, что кара-ойли, видимо, в конце концов утратили свое племенное имя и стали называться по имени центра своего расселения Огурчи — огурджали; они-то, вероятно, и составили ядро будущего огурджалинского племени, передав это имя объединившейся с ними в силу каких-то причин южной группе прибреж-

⁹⁰ В своем примечании А. Г. Туманский полагает, что Аджы-тенгиз — это Аральское море. Нам кажется, что Аджы-тенгиз здесь, видимо, Аджыаб-боври, то есть залив Каспийского моря на Нижнем Аджаибе.

⁹¹ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

ных туркмен-рыболовов. Тиведжи, благодаря своей многочисленности, сохранили родовое имя, хотя и вошли в состав огурджали. Часть скотоводов-тиведжи вошла, видимо, в состав иомудского подразделения, но поддерживала и сохранила родственные связи с огурджалинскими дюеджи. Г. П. Васильева отмечает, что «рекогносцировочная поездка выявила все же несомненную связь основной части современных огурджали с жителями средневекового поселения на Аджайбе»⁹².

У историка XIV в. Рашид-ад-Дина и историка XVII в. Абу-л-Гази встречаются сведения о родстве кара-ойли и сиядаг-сакаров. По сообщению Абу-л-Гази известно, что после прихода дюеджи в 60-х годах XIV в. на Нижний Узбой кара-ойли обеднели и во главе с Халилем обратились к эрсаринским аксакалам и он-беги, чтобы получить разрешение использовать имеющиеся источники и голубятники на Малом и Большом Балхане. Из-за крайней бедности исторических источников ничего не известно об их дальнейшей судьбе. Г. И. Карпов отмечает, что потомки кара-ойли (кара-эль, или кара-или) встречаются в низовьях Амударьи, в Хорасане и других местах⁹³. Далее он, ссылаясь на Абу-л-Гази, отмечает, что на среднем течении Амударьи али-или жили вместе с сакарами — отделением сиядаг-сакары, которые, по Абу-л-Гази, раньше назывались кара-ойли халиль. Они, по его словам, являются «потомками Кашга-Джора»⁹⁴. Однако среди современных туркмен-огурджалинцев кара-ойли нет. Последнее упоминание о них в связи с дельтой Узбоя встречается у Абу-л-Гази, когда он пишет, что возглавляемые Халилем они (кара-ойли) переселились к балханским эрсаринцам⁹⁵.

Можно предположить, что кара-ойли во главе с Халилем, переселившись на Балханы, влились в состав эрсаринцев. Сакары, входившие в XIV—XV вв. в состав эрсаринского союза на Балхане, могли непосредственно соприкасаться с кара-ойли, которые, живя длительное время в окружении сакаров, могли потерять свое родо-

вое название и по месту жительства от горы Балхан стали называться карадаг-сакары. Современные жители Большого Балхана часто называют Балханы — «Гара Балхан» (Карадаг). В стихах Байрама шахира, собранных А. Оразтагановым, встречаются строки, говорящие о Балханах, как о горах черных (Гара Балкандагы)⁹⁶.

Уместно привести строки академика В. В. Бартольда, который, сославшись на рассказ Абу-л-Гази о нижнеузбойских племенах, пишет: «Абульгази прибавляет к этому, что в его время потомки Халиля носили название таг-сакары»⁹⁷.

Сложнее обстоит дело с установлением конкретной хронологической даты заселения района Нижнего Узбоя племенем «Салора-Огурджика». Урочище Куния-Огурджа на Нижнем Узбое, у русла Аджайб, известно с XIV в., когда оттуда в 1392 г. по приказанию Тимура были отправлены на судах вверх по Амударье взятые в плен владетели Мазандерана⁹⁸. Может быть, появление на Нижнем Узбое поселения Куния-Огурджа связано с сообщаемым Абу-л-Гази историческим преданием о деятельности Салора-Огурджика⁹⁹. По его сведениям, большая группа салорских племен во главе с Дингли-беком, отправилась из Хорасана в Ирак¹⁰⁰. Много лет спустя, в их среде появился благородный джигит по имени Огурджик. Он поссорился с ханом Баюндыром и с 1000 кибиток своих соплеменников и каркынов бежал из Ирака в Азербайджан — Шамаху, а оттуда в Крым. Откочивав из Крыма через нижнюю Волгу на реку Яик, он некоторое время жил там по соседству с народом канглы. Поссорившись с канглыным ханом Кок-Тонлы, который захватил у него 700 кибиток, Огурджик с 300 оставшимися кибитками бежал на Мангышлак, а оттуда — к

⁹⁶ Байрам шахир. Избранные произведения. Ашхабад, 1961, стр. 52.

⁹⁷ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Соч., т. 2, ч. 1, стр. 595.

⁹⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. 3, стр. 178.

⁹⁹ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 70—71.

¹⁰⁰ Возможно, здесь речь идет не о Ираке Арабском, то есть Месопотамском, а Ираке Аджамии — Персидском, располагавшемся между Иранским Азербайджаном и Тегераном.

⁹² Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 184.

⁹³ Г. И. Карпов. К истории туркмен али-или. — «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 147.

⁹⁴ Там же, стр. 148.

⁹⁵ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

Балханским горам, где и скрылся¹⁰¹. Возможно, отсюда и прозвище его Огурджик — «укрылся».

Абу-л-Гази перечисляет потомков Салора-Огурджика до третьего колена и доводит их до Эрсары-бая (Берди, Кулхаджи, Эрсары-бай). Время Эрсары-бая, по Абу-л-Гази, — начало XIV в. Если сослаться на этот пункт рассказа, то деятельность Салора-Огурджика можно отнести к первой половине XIII в. С другой стороны, по преданию, Салор-Огурджик поссорился с ханом Баюндыром. А племя баюндыр занимало в XIV—XV вв. в Малой Азии господствующее место¹⁰². В работах В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского и В. М. Жирмунского в связи с интерпретацией сведений из «Книги моего деда Коркута» предпринимались попытки установить хронологические даты деятельности легендарных огузских героев. Относительно баюндыров В. М. Жирмунский пишет: «Рассказ о сватовстве Кан-Турали к дочери трапезунтского тагавора, т. е. правителя, сохранил историческое имя эмира Турали, родоначальника династии Баюндыров (Баюндыров.— Х. Ю.) ак-койунлу, который совершил в 1348 г. набег на Трапезунт... Самое имя Баюндур-хана как эпического властителя огузов могло утвердиться, как справедливо указали В. В. Бартольд и В. А. Гордлевский, только в тот период истории огузов, когда племя Баюндур, из которого происходила правящая династия туркмен Белого барана, занимало господствующее положение среди Огузских племен на Ближнем Востоке (с середины XIV до середины XV в.).»

...Баюндур-хан не имел опоры в старой традиции огузского эпоса; у него нет не только своего эпического сюжета, но даже собственного имени (кроме племенного прозвища). Он выступает в «Книге Коркута» только в

пассивной и безличной роли эпического монарха, при дворе которого собираются огузские богатыри. Возвысившись вместе со своим племенем, он вытеснил в положении главы огузских витязей более древнего Казан-хана из племени салоров, ставшего в «Книге Коркута» его зятем и старшим богатырем¹⁰³. Отмечая родственные отношения Баюндыр-хана с Салор-Казаном, В. М. Жирмунский пишет: «Чтобы связать обоих героев, стоящих во главе огузских богатырей, старого и нового, сказители сделали Казан-бека зятем Баюндур-хана»¹⁰⁴. Ссора Салора-Огурджика с Баюндыром могла произойти еще до 1348 г. (захват Трапезунта). Если Кан-Турали действительно является родоначальником баюндыров, то тогда наблюдается явное противоречие этих данных с приводимыми Абу-л-Гази сведениями, что Эрсары-бай — правнук Салора-Огурджика.

Это противоречие не дает оснований отнести деятельность Салора-Огурджика к XIII в. При сельджукском владычестве в Малой Азии не отмечается еще появление на исторической арене племени баюндыров. В XIII в. во время монгольского владычества район, где первоначально «сидел Салор-Огурджик», принадлежал Хулагидскому государству. Вряд ли при враждебном отношении между Хулагидским и Золотоордынским государствами туркмены Салора-Огурджика могли перейти границу.

После падения монгольского владычества в Передней Азии (с начала XIV в.) обстановка сложилась несколько иная. Именно в этот период на исторической арене появляется племя баюндыров. С другой стороны, к этому времени относится политическая возможность передвижения Салора-Огурджика. В 1354 г. пала династия Хулагидов, а в 1357 г. Джаныбек-хан после ряда войн овладел Азербайджаном¹⁰⁵. Это и помогло создать внешние условия для передвижения Салора-Огурджика по всей золотоордынской территории. Поэтому можно предполагать, что передвижение Салора-Огурджика относится к XIV в.

¹⁰³ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». — В кн.: Книга моего деда Коркута. Перевод академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, стр. 143, 144.

¹⁰⁴ Там же, стр. 180.

¹⁰⁵ Б. В. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 264.

¹⁰¹ А. А. Росляков относит деятельность Салора-Огурджика к концу XII в. (История ТССР, т. 1. Ашхабад, 1955, стр. 316). Ссылаясь на Абу-л-Гази, «говорящего, что от Огурджика до настоящего (1650—1651) времени прошло пятьсот-шестьсот лет», А. Джикиев весьма приблизительно относит эту миграцию туркмен-салоров к XI—XII вв. (А. Джикиев. Указ. раб., стр. 17). А. Ю. Якубовский предпочитает XIV—XV вв. как время странствия салорского племени. (Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., стр. 163).

¹⁰² В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 50. Там же, в примечании, говорится о мавзолее Баюндыра и его сына.

Интересные выводы можно сделать, сопоставив данные археологии, исторические источники и этнографические сведения (прежде всего легенды, связанные с происхождением племен). Археологические материалы свидетельствуют, что район Актама, Аджаиба и Келькора был заселен с начала XIV—XV в., причем материальная культура (керамика «актамского» типа) обнаруживает исключительное сходство с одновременными комплексами средневекового Азербайджана (в районе Баку).

Абу-л-Гази, единственный из средневековых авторов, оставивший свидетельства о расселении племен на Узбое (и прежде всего на Нижнем), помещает кара-ойли и дюеджи, как указано выше, на Актаме, Аджаибе и Келькоре. Отмеченная Абу-л-Гази территория расселения кара-ойли и дюеджи от Актама до Огурчи полностью совпадает с территорией распространения массовых находок и остатков поселений «актамской» культуры на Нижнем Узбое. Это дает основание считать, что носителями этой культуры были, очевидно, именно эти племена.

Этнографические материалы позволяют объяснить весьма интересный факт — связь материальной культуры населения Нижнего Узбоя с азербайджанской. Эти связи нельзя объяснить только торговыми сношениями. Нужно отметить, что более тесные связи по материальной культуре с Азербайджаном, чем с районами Средней Азии, ставят изучаемый нами район в исключительное положение среди всех других средневековых областей Средней Азии.

В связи с вопросом о происхождении названия поселения Куня-Огурджа и образования племени огурджали А. Джикиев в своей работе «Туркмены юго-восточного побережья Каспия» приводит очень любопытные рассказы и предлагает их интересное толкование. Старики информаторы Челекена и Гасан-Кули говорили, что их предки жили на Балхане (Эбульхане), но когда пришли калмыки, они перекочевали к берегам Атрека и Гюргена. Незначительная часть жителей Балхана — 20 семейств дюеджи, живя в бедности, не могли перекочевать и решили скрыться на одном из островов Каспийского моря. Окружавшее это племя население стало

называть дюеджи «огрын жайлы» (то есть имеющие скрытое место «огрынджай») ¹⁰⁶.

Рассказ очень интересный, оригинально и толкование А. Джикиева. Если до сих пор в литературе о происхождении названия местности и племени огурджали «огурджали» переводилось как «воришка», «пират» и «разбойник», то теперь можно предположить, что не от племени происходило название местности, как раньше считалось в литературе, а, наоборот, племя получило название от местности. Далее А. Джикиев отмечает, что основание поселения или города Огурджа, расположенного первоначально на острове, находившемся вблизи берега, также приписывается племени дюеджи ¹⁰⁷. С другой стороны, ссылаясь на легенду Абу-л-Гази о Салоре-Огурджике, А. Джикиев не исключает возможности, что с появлением людей Салора-Огурджика на Балхане и Нижнем Узбое возникло соответствующее название местности (Огурджа).

Не менее интересен другой рассказ, приводимый А. Джикиевым, о кузнецах огурджи. В нем говорится, что среди жителей Огурджи были кузнецы (демирчи) Недим и Герей, которые якобы были сыновьями братьев-кузнецов Али и Вели. Их-то потомки и образовали отдельные роды огурджалинцев — недим и герей, живущих на юго-восточном побережье Каспия до настоящего времени ¹⁰⁸. Это позволяет утверждать, что среди огурджалинцев были кузнецы. Предание подтверждается обнаруженными сотрудниками Хорезмской экспедиции в большом количестве фрагментами железных изделий и шлаков на поселении Куня-Огурджа ¹⁰⁹.

Далее А. Джикиев останавливается на этнической истории отдельных родов. Один из наиболее древних родов, вошедших в состав огурджалинцев, род герейли выделяется среди других по языку. К. Боде отмечал, что их язык занимает промежуточное положение между

¹⁰⁶ А. Джикиев. Указ. раб., стр. 18—20. Приводимую легенду автор ориентировочно относит к XII—XIII вв., причем оговаривается, что нашествие калмыков начинается с XV в. и в народной памяти более ранние события смешиваются с более поздними.

¹⁰⁷ А. Джикиев. Указ. раб., стр. 18.

¹⁰⁸ Там же, стр. 20.

¹⁰⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 87.

туркменским и азербайджанским языками¹¹⁰. А. Джикиев пишет, что, по словам информаторов, герейли, живущие в Мазандеране и Астрабаде, — туркмены, говорящие на диалекте туркменского языка, очень близкого к языку прибрежных туркмен¹¹¹. Стоит отметить, что происхождение племени герейли М. Е. Массон¹¹² и А. А. Росляков¹¹³ связывают с монголами.

Особый интерес представляет огурджалинский род ширван. А. Джикиев пишет, что происхождение рода ширван население связывает с югом, а иногда даже более определенно — с местностью Ширван в Азербайджане¹¹⁴. По поводу происхождения этого рода А. Джикиев приводит два предания, одно из которых (наиболее полное и которому сам исследователь отдает предпочтение) представляет большой интерес. В старое время напротив берега, где жили шихи гара-баба, случилось кораблекрушение. Часть экипажа была спасена. Выяснилось, что судно принадлежало племени ширван, жившему около Баку. Люди, которых спасли шихи, впоследствии обзавелись семьями и стали жить среди прибрежных туркмен. А. Джикиев отмечает, что, по словам Молладурды Хыдыргулы (Гасан-Кули), по этой причине ширван нередко называли «тагталы ширван» («ширваны, прибывшие на плоту»). По другим данным, предком ширван был человек по имени Али Ширван родом с Кавказского побережья, который затем породнился с махтумами. В отличие от других групп ширван на побережье целиком относят к «гул», то есть к категории туркмен, происходящих от рабов¹¹⁵. Ссылаясь на отсутствие письменных сведений о них, А. Джикиев отмечает, что они, вероятно, являются поздним элементом в составе огурджалинцев¹¹⁶.

¹¹⁰ К. Боде. Очерки туркменской земли, стр. 154; А. Джикиев. Указ. раб., стр. 29.

¹¹¹ А. Джикиев. Указ. раб., стр. 29.

¹¹² М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надгробий Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 50.

¹¹³ А. А. Росляков. Туркменистан в эпоху позднего феодализма XVI—XVIII вв. — История Туркменской ССР, т. 1, кн. 1, стр. 377.

¹¹⁴ А. Джикиев. Указ. раб., стр. 32—33.

¹¹⁵ Там же, стр. 33.

¹¹⁶ Там же.

Рассказ, по всей вероятности, отражает происхождение той группы населения, которая, переселившись из района Баку на восточный берег Каспийского моря, могла принести с собой традиции материальной культуры Ширвана. Именно эта группа могла принести на восточный берег Каспия азербайджанскую керамику, а уже на Нижнем Узбое наиболее крупная в это время группа кара-ойли — дюеджи распространила эту керамику по всему Нижнему Узбою (Актам, Аджайб и Келькор). События, описанные в рассказе, возможно, относятся к первой половине XIV в., точнее до 1359 г., когда, по Абу-л-Гази, на Нижнем Узбое жили кара-ойли, но до прихода сюда дюеджи, так как корабль шихи гара-баба спасли кара-ойли. Среди прибрежных туркмен из рода ших встречаются мелкие подразделения кара-бабалы и гаралар¹¹⁷. Возможно, они и есть оставшиеся осколки от кара-ойли. На основании археологических данных можно отнести появление рода ширван на Нижнем Узбое к началу — середине XIV в.

Таким образом, уже в XIV в. постепенно создаются объединения ряда различных по своему происхождению этнических групп кара-ойли — дюеджи, ширван, вероятно, герейли, недим и туркмен группы Салор-Огурджика, по разным историческим причинам оказавшихся на одной территории — на Нижнем Узбое и положивших основу «племени» огурджали. К началу XV в., как показывают некоторые исторические события, существовали уже тесные связи огурджалинцев с туркменами Дехистана¹¹⁸.

Основным занятием средневекового населения Нижнего Узбоя были, вероятно, рыболовство и охота. Абу-л-Гази прямо говорит, что, когда дюеджи поселились на этой территории возле кара-ойли, они занялись рыбной ловлей¹¹⁹.

Абу-л-Гази пишет, что, кара-ойли обеднев, ушли на Балханы к эрсаринцам¹²⁰, прося источников на

¹¹⁷ А. Джикиев. Указ. раб., стр. 41.

¹¹⁸ См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 529—530.

¹¹⁹ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

¹²⁰ Там же. (В примечании — сведения об Аральском море). В. В. Бартольд, ссылаясь на Абу-л-Гази, отмечает, что это племя (кара-ойли.— Х. Ю.) состояло из 5—6 тысяч семейств (В. В. Бартольд.— Соч., т. 3, стр. 78).

Малом и Большом Балханах, чтобы заняться земледелием и скотоводством. Возможно, уход кара-ойли связан с уменьшением воды Узбоя, а скорее всего с усилением дюеджи, так как далее у Абу-л-Гази указывается, что постепенно тиведжи (дюеджи) стали многочисленны и вновь разбогатели, освоив места по Узбою от Актама до Огурчи (Огурджи)¹²¹.

Все это свидетельствует, вероятно, о двух этапах в обводнении Узбоя: в XIII в. после монгольского нашествия и конце XIV в. после разгрома Хорезма Тимуром, а также возможном занятии населения Нижнего Узбоя в очень небольшом размере на нижних террасах каирным способом земледелия. Что касается скотоводства, то можно предполагать, что им они занимались на пастбищах соседних районов.

В. В. Бартольд на основании сведений Абу-л-Гази отмечает, что среди дюеджи были скотоводы и земледельцы, которые платили хорезмскому хану десятую часть урожая и налог со стад¹²². Исходя из того, что сотрудники Хорезмской экспедиции обнаружили в Куня-Огурджа остатки фундаментов для юрт, А. Джикиев предполагает, что среди жителей Огурджи были свои кибиточные мастера, как это отмечалось среди населения этих районов и в последующий период¹²³. Железные шлаки, найденные на поселении Куня-Огурджа на Аджайбе, керамический брак и шлак обнаруженные на нескольких других поселениях Нижнего Узбоя, свидетельствуют о некотором развитии соответственных ремесленных производств. Географическое положение поселений Нижнего Узбоя близ побережья Каспия в его самом узком месте благоприятствовало развитию торговли с другими районами Прикаспия. Наиболее веским доказательством этого служит отмеченное выше исключительное сходство нижнеузбойских и бакинских средневековых керамических материалов. Небезынтересно также вспомнить привлекавшееся В. В. Бартольдом свидетельство Абу-л-

Гази о связи туркмен Мангышлака с Ширваном¹²⁴. В связи с этим следует отметить, что в легендах огурджалинцев сохранились воспоминания о гибели у их берегов кораблей, приходивших с Кавказа и других мест. Так, мазар Кара-Баба на Аджайбе, по преданию, был построен из обломков корабля, пришедшего из Астрахани.

Несмотря на то, что географические условия способствовали значительному преобладанию скотоводства в хозяйстве туркмен на Балханах, можно предположить, что здесь имелись и небольшие посевы зерновых и бахчевых культур, в основном богарные, а частично и поливные. Это подтверждается сведениями Абу-л-Гази о том, что на Балханах земледелие, базирующееся на мелких горных источниках, имелось еще в XIV—XV вв. Эрсаринские онбеги и аксакалы сдавали в аренду племенам кара-ойли земли, орошавшиеся шестью источниками на Большом и Малом Балханах, за что кара-ойли обязаны были отдавать им половину урожая, две тысячи выюков камыша для сараев и 38 ловчих птиц различных пород¹²⁵. В. Г. Мошкова переселение кара-ойли с Нижнего Узбоя к балханским эрсаринцам относит к XVI в.¹²⁶

Как уже отмечалось, согласно Абу-л-Гази, Нижний Узбой был заселен дюеджи в середине XIV в. Постепенно они стали многочисленны и разбогатели, освоив земли Нижнего Узбоя. Кара-ойли обеднели и обратились к эрсаринским онбеги и аксакалам. Возможно, первоначальное заселение Нижнего Узбоя кара-ойли связано с прорывом воды в Узбой после монгольского разгрома Хорезма. Когда в середине XIV в. к кара-ойли переселились дюеджи, они также стали заниматься рыболовством. Вероятно, восстановление ирригационных систем в Хорезме, особенно в районе восточно-сарыкамышских русел Амударьи, повлияло на обмеление Узбоя во второй половине XIV в. Поэтому обращение группы кара-ойли к эрсаринским аксакалам, возможно, относится

¹²⁴ В. В. Бартольд. Мангышлак (статья для Энциклопедии ислама).— Соч., т. 3, стр. 480.

¹²⁵ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77—78.

¹²⁶ В. Г. Мошкова. Туркмены в период установления государства узбекских феодальных государств в Средней Азии в XVI в.— В кн.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., стр. 182.

¹²¹ В занятии рыболовством в середине XIV в. кара-ойли и дюеджи на Нижнем Узбое можно видеть еще одно свидетельство обводнения Узбоя в это время.

¹²² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа.— Соч., т. 2, ч. 1, стр. 595.

¹²³ А. Джикиев. Указ. раб., стр. 21.

к концу XIV в. Постепенное увеличение численности племени джоеджи, освоившего места по Узбою от Актама до Огурджи, связано скорее всего с увеличением воды в Узбое после разрушения Тимуром хорезмской ирригации в конце XIV в. Дополняя хозяйственную характеристику района Нижнего Узбоя, следует отметить, что еще в XII—XIII вв. упоминается о добыче в их районе нефти¹²⁷.

Средневековые авторы почти ничего не говорят о торговле в области Нижнего Узбоя и Балханских гор. Однако 78-летний информатор М. Мазыев, житель Молла-Кара, хорошо помнит старые туркменские стихи о Базарлы-Бавуре, в которых говорится о Балханском базаре¹²⁸, но не помнит, кто сочинил эти стихи. По его рассказу, этот базар должен находиться между Шакул-буруном и Ламма-буруном, в юго-западной части Балханских гор.

По рассказам местных жителей, наверху Большого Балхана богатым земледелием занимались и до недавнего времени. Они хорошо помнят 1942—1943 гг., когда там был получен богатый урожай пшеницы. В долинах северных склонов гор и в настоящее время местное население занимается в небольшом количестве бахчеводством, используя кызыльные воды. Здесь и сейчас еще действуют четыре кызыла: три у Оглан-глине (Омар-ата) и один — в Кара-эльм-ата. Основным же занятием населения Большого Балхана было и остается скотоводство. В горах Балхана имеются обширные пастбища с хорошим травостоем, которые издавна использовались скотоводами.

¹²⁷ Мухаммед ибн-Наджиб Бекран. Джехан-намэ, стр. 350. В 1825 и 1826 гг. Дядин и Баранов производили съемку протока Актама. Они сообщают, что у истока русла Актам находится озеро Нефтеп-сенем-Дервазаси (Бабаходжа, Ильмен — современное название Келькор). Среди озера возвышается «остров», называемый туркменами нефтяным. Это нефтяная гора. «Проводники уверяли, — пишет Баранов, — что на этом острове в прежние годы туркмены добывали нефть, но теперь не берут ее потому, что мелководные не допускают сюда туркменских киржимов» (См.: Л. С. Берг. История исследования Туркмении. — В кн.: Туркмения, т. 1. Л., 1929, стр. 97—98).

¹²⁸ О караванных путях, проходивших через эти места, писал и И. Ф. Бларамберг (И. Ф. Бларамберг. Русло и устье древнего Оксуса, стр. 89).

Таким образом, на руслах Актама и Аджаиба, а также по берегу бывшего озера Келькора, можно увидеть немало следов жизни: остатки поселений и построек, россыпи керамики, из которых некоторые отличались исключительной обильностью. Обнаруженные в районе Нижнего Узбоя археологические памятники, найденные по местам скопления керамики «актамского» типа, наглядно показывают, что район в средневековье был густо населен. Единство керамического комплекса с поселений Нижнего Узбоя и подъемных материалов, собранных в районе Большого Балхана, свидетельствует о едином этническом составе населения всего района в описываемое время.

Что касается крепости Дуйнеш-кала нижняя, то здесь картина другая. Как уже отмечалось выше при описании крепости, она существовала до монгольского времени и служила одним из опорных пунктов Язырского союза на Большом Балхане.

Следует отметить, что нет прямых сведений о принадлежности нижней Дуйнеш-кала племенам Язырского союза. Нет также сведений об уходе языров из района Балханских гор. Были ли они притесняемы какими-то племенами, отпочковавшимися от их союза, или другими народами? Однако в источниках отмечается, что местом обитания языров в XI—XII вв. были Балханские горы. Поэтому есть основания считать Дуйнеш-калу нижнюю язырской. Известно, что правитель Джурджана и Дехистана Ихтияр-ад-Дин Инак соперничал с Ягмур-ханом, главой Язырского союза в 60-х годах XII в. Соперничество привело к кровопролитным войнам, в которых принимали участие хорезмские, хорасанские и мазендеранские войска. Войны закончились победой Язырского союза. После этого в источниках встречаются данные о занятии язырами городов Ахала (подгорная равнина Копетдага)¹²⁹.

¹²⁹ Ибн ал-Асир. Указ. раб., стр. 349; см. по этому поводу: В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Соч., т. 2, ч. 1, стр. 595 и сл.; А. Ю. Якубовский. Туркмены и Южная Туркмения во второй половине XII и начале XIII в. — В кн.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., стр. 126; А. А. Росляков. Феодалное общество на территории Туркменистана в XI—XV вв. — История ТССР, т. 1, кн. 1, стр. 278.

А. А. Росляков, ссылаясь на сведения средневековых авторов (Мухаммед ибн-Наджиб Бекрана, Ибн ал-Асира и др.), так характеризует политическую и историческую обстановку на территории Туркменистана во второй половине XII в.: «Балханы и Ахал захватил Ягмурхан Язырский»¹³⁰. Далее автор отмечает, что «языры в XII в. двинулись всей массой на более богатый юг и осели в западной части Ахала»¹³¹. Возможно, уход языров к подгорной равнине Копетдага в поисках плодородных земель связан с усилением и активизацией Язырского союза на Балханах, Мангышлаке и в Хорасане. Также, возможно, что в переселении языров с Балхан на юг сыграл особую роль Салорский союз, отпочковавшийся от Язырского союза, и прежде всего входившие в него эрсаринцы, которые в монгольский период играли ведущую роль в районе Балханских гор. А. А. Росляков полагает, «что в конце XIII в. в обстановке временного ослабления Золотой Орды (усобица ногая) на Балханах возникает сильное полунезависимое эрсаринское объединение»¹³². С уходом языров с Балхан можно связывать гибель нижней Дуйнеш-кала.

Анализ исторического рассказа Абу-л-Гази о приузбойских туркменских племенах уч-илинцах позволяет нам определить первоначальную дату образования нижеузбойских племен кара-ойли, дюеджи на Актаме и Аджайбе началом XIV—XV вв., что подтверждается и анализом археологических (керамических) материалов, обнаруженных на поселениях с Нижнего Узбоя. Средневековые керамические материалы Нижнего Узбоя находят себе близкую аналогию в керамике западного берега Каспийского моря, особенно в районе Баку (Ширваншах).

Анализируя рассказ Абу-л-Гази, относящийся к приузбойским туркменским племенам, можно также установить время ухода кара-ойли из Актама и Аджайба к Балханским горам — вторая половина XIV в. Возможно, именно с появлением кара-ойли и получает распространение на Больших Балханах керамика «актамского» ти-

па, характерная для средневековых поселений Нижнего Узбоя и особенно района Актама и Аджайба.

Дуйнеш-кала верхнюю, на основании сведений Абу-л-Гази, С. П. Толстов связывает с племенами дюеджи и эрсари. Видимо, правильно предположение С. П. Толстова о том, что верхняя крепость могла принадлежать эрсаринцам. Что же касается возможности ее постройки дюеджи, то с этим нельзя согласиться, так как Абу-л-Гази отмечает, что на Большие Балханы переселились под предводительством Халиля кара-ойли, а дюеджи остались на Актаме¹³³. Возможно, именно с появлением кара-ойли здесь и получает распространение керамика «актамского» типа. В связи с тем, что кара-ойли переселились на Большие Балханы только с разрешения эрсаринцев¹³⁴, постройку верхней крепости можно, вероятно, связывать с усилением в этом районе группы эрсаринских племен в XIV—XV вв.

В XIV—XV вв., как показывают археологические материалы и исторические источники, на Нижнем Узбое формируется племя огурджали, в состав которого входят группы, различные по происхождению: азербайджанские тюрки, туркмены группы Салора-Огурджика (огузская группа) и различные по происхождению осколки племен и групп Золотой Орды. Территория распространения нижеузбойской («актамской») культуры совпадает с отмеченной Абу-л-Гази территорией расселения кара-ойли, дюеджи и группы Салора-Огурджика. Это дает основание считать, что носителями этой культуры были, очевидно, именно эти племена.

¹³⁰ А. А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, 1956, стр. 72.

¹³¹ Там же, стр. 92.

¹³² Там же, стр. 94.

¹³³ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 77.

¹³⁴ Там же, стр. 77—78.

ГЛАВА II

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СО СРЕДНЕГО УЗБОЯ (к истории туркменского племени али-или)

Среднее течение Узбоя от урочища Гарры-гечид (букв. «старая переправа») до колодца Тамдырли выделяется по своим географическим условиям и характеру археологического материала.

Средний Узбой имеет резко обрывистые берега и широкую пойму, окаймленную террасами. На этом участке долина Узбоя заполнена водой на протяжении многих километров — имеется несколько пресных и соленых озер, питаемых дождевыми и снеговыми водами. Озера Узбоя представляют собой типичные речные старицы подковообразной формы; колодцы расположены в окруженных высокими берегами изгибах в пойме реки, имеющих вид тарелкообразных углублений, находящихся в нескольких метрах от береговых обрывов на равнине среди барханных однообразных осипей песка.

Впервые археологические исследования на среднем течении Узбоя проводились Хорезмской экспедицией в 1951 г. во время узбойского разведочного автомаршрута. На коренном берегу, или на нижних террасах Узбоя, были обследованы отдельные скопления маловыразительной средневековой керамики.

В последние годы среднее течение Узбоя обследовалось археологическим отрядом Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР. В результате никаких крупных памятников обнаружено не было. Малочисленность следов материальной культуры объясняется тем, что река на этом участке большей частью протекает между высокими обрывистыми берегами, мало удобными для поселений.

Следы поселений ощутимы только в виде скоплений керамики, которая встречается в очень фрагментарном виде. Такие поселения были обнаружены на коренном

берегу или на нижних береговых террасах, покрытых зарослями кустарника. Собраны фрагменты преимущественно средневековой неполивной керамики. Они встречаются в следующих пунктах: в районе колодца Алты-кую на правом берегу; у колодца Гыз-Пара и к юго-западу от колодца Уйшмек на мысу левого коренного берега; в урочище Чалой; в 1,5 км на северо-восток по дороге от колодца Галын-кую; в 2 км к востоку (на мысу коренного правого берега) от урочища Джойрук; против колодца Пекир; между колодцами Акча и Декча; на мысу правого коренного берега, в 1,5 км к западу от колодца Декча; на правом берегу у колодца Декча; на левом берегу в 6 км к западу от Даш-кую; в глубине песков и вблизи самого Даш-кую; на нижней террасе левого берега, около Ясханской переправы; на левом коренном берегу между оз. Ясхан и Ясханской переправой; в районе оз. Ясхан; на мысу левого берега, у колодца Бурун-кую; на нижней береговой террасе близ колодца Омчалыджа; на левом коренном берегу у оз. Кара-Тегелек; у оз. Топьятан; на правом берегу у колодца Боураджи (сев.); на левом берегу между колодцами Джигирдекли и Декча (сев.); на мысу правого коренного берега к северу от колодца Декча (сев.); на левом коренном берегу в 1,5 км, 3,5 и 15 км северо-восточнее колодца Декча; на правом коренном берегу у колодца Декча (сев.); на левом берегу, в начале Чуйрукбашской луки; на левом берегу у Аджикуинской луки; в районах колодцев Бургун, Джамал, Тогалак и Давали.

Следует отметить, что на всех поселениях Среднего Узбоя встречаются скопления однотипной керамики. Поэтому целесообразнее не давать описания керамики с каждого отдельного поселения, так как в большинстве керамический материал с этих поселений не реконструируется. Будет вполне достаточно остановиться на характеристике керамики лишь нескольких крупных поселений.

Рассмотрим фрагменты керамики наиболее богатого комплекса — поселения на Ясханской переправе (поиск — 68). Сотрудниками Хорезмской экспедиции в 1951 г. во время узбойского маршрута на этом поселении было собрано более 500 фрагментов керамики¹³⁵. Среди

¹³⁵ Материалы хранятся в архиве Хорезмской экспедиции при Институте этнографии АН СССР.

них имеются фрагменты венчиков, донышек, ручек и стенок круговой посуды с красновато-кремовым, кремово-коричневым, желтоватым в изломе черепком. Отмучка и обжиг обычно хорошего качества. Некоторые фрагменты украшены прочерченным линейно-волнистым орнаментом. Такие керамические материалы, часто встречающиеся на всех поселениях Среднего Узоя, находят аналогию в материалах из раскопок караван-сараев Ак-яйла и Талайхан-ата, датированных О. А. Вишневской XI—XII—XIII — началом XV в.¹³⁶, а также караван-сарая Орта-кую, датированного золотоордынским временем¹³⁷, что позволяет отнести эти комплексы к началу XIV—XV в.

В коллекции имеются также мелкие обломки венчиков и стенок котлов с прямыми покатыми плечиками, четко выраженным ребром посередине тулова, дугообразными или треугольными держалками-ручками с большим количеством примеси песка в тесте. Эти фрагменты по форме и фактуре также находят близкую аналогию среди керамики с Нижнего Узоя (см. I главу, раздел керамики).

Небольшим количеством фрагментов венчиков, ручек и стенок представлена сероглиняная керамика. Форма не реконструируется, но по фактуре, форме обломков массивных ручек, округлых в сечении, орнаменту в виде прочерченных вертикально спускающихся по плечу полос, она находит себе близкие аналогии среди керамических комплексов с Верхнего Узоя¹³⁸ и в самом Хорезме, где она датируется Н. Н. Вактурской XII—XIV вв.¹³⁹ Аналогичный материал обнаружен в комплексах Южно-Чырышлинской и юго-восточной систем Сарыкамыша и датирован XIII—XIV — началом XV в.¹⁴⁰ Не-

¹³⁶ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 439—440, 457—466.

¹³⁷ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 326—327. Стоит отметить, что подобная керамика с Южно-Чырышлинской системы датирована XV в.; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241.

¹³⁸ Похожая керамика найдена в верхнеузбойских караван-сараях Ак-яйла и Талайхан-ата О. А. Вишневской и отнесена к периодам XI—XII, XIII—XIV вв.

¹³⁹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), стр. 300 и сл.

¹⁴⁰ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241, 244.

смотря на то, что сероглиняная керамика распространена на очень обширной территории, она впервые была описана Н. Н. Вактурской по памятникам Хорезма и отнесена к хорезмшахскому и золотоордынскому времени (XII—XIV вв.¹⁴¹), поэтому в дальнейшем она будет называться хорезмской.

На описываемом поселении поливная керамика представлена тремя фрагментами с красным в изломе черепком. Это обломок донышка с высоким кольцевым поддоном, фрагмент массивной стенки с зеленой поливой на внутренней стороне, фрагмент стенки с двусторонней поливой оранжевого цвета и коричневой росписью.

Фрагменты от поливных сосудов на поселениях Среднего Узоя встречаются в единичных случаях. Это фрагменты от красноглиняной посуды с зеленой или с коричнево-желтоватым оттенками поливы, а также фрагменты от кашинных сосудов со светло-белой, бирюзовой или голубой прозрачной поливой, с синей или коричневой росписью датированы золотоордынским временем.

Все керамические материалы с поселений Среднего Узоя по аналогиям относятся к периоду XII—XV вв. Учитывая же, что в комплексе этих поселений встречаются в некотором количестве неполивные фрагменты, характерные для поселений Нижнего Узоя, которые датированы по азербайджанским аналогиям в основном началом XIV—XV в.¹⁴², а также и поливная керамика, встречающаяся на поселениях с Нижнего Узоя и датируемая тем же временем, можно предположить, что весь вышеописанный керамический материал с поселений Среднего Узоя относится к XIV—XV вв. — ко времени кратковременного обводнения Узоя в средние века¹⁴³.

Поселение на левом коренном берегу Узоя в 3 км к северо-востоку от колодца Декча (сев.) расположено в большой впадине на окраине песков на участке в 150—200 м длиной и 40—50 м шириной. Здесь в 1951 г. было

¹⁴¹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 307.

¹⁴² См. гл. I, раздел керамики.

¹⁴³ Обломки сероглиняных сосудов, столь характерных для средневекового Хорезма, могут быть датированы XII—XV вв., что в сопоставлении с датами керамических материалов нижнеузбойского типа дает основание датировать поселения Среднего Узоя началом XIV—XV в.

собрано около 400 фрагментов керамики, представленной следующими типами.

Фрагменты от сосудов (венчиков, донышек и стенок) красновато-кремового, кремовато-желтого или коричневого цвета, изготовлялись на круге. Венчики утолщенные, снаружи имеют валикообразный выступ. Донышки с дисковым поддоном, их диаметр в основном равен 10—14 см. Черепки из хорошо промешанной глины, без примесей, обжиг различный. Некоторые фрагменты имеют красный ангоб и лощение. Они тоже находят себе близкую аналогию среди нижнеузбойских материалов, датированных нами началом XIV—XV в.

Сероглиняная керамика представлена обломками донышек и стенок. Черепок в изломе серый, имеет много примесей дресвы или песка, снаружи покрыт темно-серым ангобом. Часть сероглиняной посуды имеет тесто без примесей и не покрыта ангобом; поверхность фрагментов гладкая, тесто хорошо промешанное и равномерно обожженное. Керамика такого типа встречается среди керамических материалов Верхнего Узбоя и Хорезма, датированных XII—XIV—XV вв.¹⁴⁴ Имеются также обломки венчиков, донышек, ручек и стенок от сероглиняных ручной выделки сосудов. На поселении найдены обломки ручки и стенки, покрытые зеленой поливой, и фрагмент кашинного сосуда с двусторонней прозрачной поливой — внутри бирюзовая, снаружи темно-синяя.

Аналогии этому материалу также можно найти в комплексах с Нижнего и Верхнего Узбоя, что дает основание предполагать, что и эти поселения Среднего Узбоя существовали одновременно со всеми остальными в XIV—XV вв.

Следующее поселение, откуда происходят интересующие нас керамические материалы, расположено на левом коренном берегу Узбоя, против колодца Джойрук. Подъемный материал (более 560 фрагментов) располагался на расстоянии около 1 км в длину и 100—150 м

в ширину по берегу Узбоя. Необходимо отметить обломки венчиков, донышек, ручек и стенок от сосудов красновато-серого, кремового или желтого цвета теста. Поверхность сосудов светлая, тон — желтоватый, ангоб — цвета черепка, орнамент волнистый или линейный.

Этот тип керамики преобладает в поселениях на среднем течении Узбоя. Фрагментарность керамики затрудняет пока определение хронологических рамок ее бытования и места изготовления. Малочисленность такой керамики на Нижнем и Верхнем Узбое и массовость ее находок на среднем отрезке Узбоя позволяют предполагать, что она характерна именно для населения этого района. Если сравнивать такую керамику со средневековой керамикой соседних районов Средней Азии, то нужно отметить, что для прикаспийских районов характерна неполированная красно-глиняная керамика¹⁴⁵, для Хорезма IX—XI вв. — красноватая или кремовая, XII—XIV вв. — преимущественно сероглиняная, а XV—XVII вв. — кремовая или красноватая по тесту керамика¹⁴⁶. Для подгорных районов Туркмении и Мерва (за исключением Нисы), насколько можно судить по имеющимся публикациям¹⁴⁷, в течение всего средневековья¹⁴⁸ характерна ярко-кремовая, желтая и коричневатожелтая керамика. Все это дает некоторые основания предполагать, что на Средний Узбой интересующий нас комплекс керамики был принесен из подгорных районов Копетдага. Двести фрагментов венчиков, донышек, ручек и стенок принадлежат круговым красноглиняным сосудам нижнеузбойского типа¹⁴⁹.

Сероглиняная керамика с примесью дресвы и темно-серым ангобом снаружи представлена всего двумя обломками стенок. Надо отметить, что на нижнем участке

¹⁴⁵ См. гл. I.

¹⁴⁶ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация...

¹⁴⁷ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII в., стр. 348; А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. ТЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 88; Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. ТЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1953.

¹⁴⁸ Стоит отметить, что керамические материалы не всех периодов подгорной равнины Копетдага описаны с соответствующей полнотой и классифицированы, но большинство этих материалов встречается в памятниках XII—XIV вв. (Парау, Кызыл-имам и др.).

¹⁴⁹ Описание нижнеузбойских красноглиняных сосудов см. выше.

¹⁴⁴ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 302; О. А. Вишневецкая. Указ. раб., стр. 439, 457—464; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241—244. См. также в настоящей работе описание поселений Верхнего Узбоя и описание керамики Южно-Чырышлинской ирригационной системы, верхнего слоя караван-сарая Талайхан-ата и комплекса караван-сарая Ортакую.

среднего течения Узбоя они встречаются очень редко. Среди подъемного материала с этого поселения имеется фрагмент стенки от поливного сосуда, а также венчик маленькой поливной миски. По венчику и внутри стенок — прочерченный линейный орнамент под поливой. Этот фрагмент находит себе близкие аналогии среди нижеузбойских материалов¹⁵⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что при обследовании Нижнего Узбоя были обнаружены в большом количестве светильники, тогда как в поселениях Среднего Узбоя они отсутствуют. Наличие светильников заставляет предположить, что поселения Нижнего Узбоя были богаче и больше связаны с ремеслом. Поселения же среднего течения Узбоя были сельского типа и более бедные.

На всех остальных поселениях¹⁵¹ среднего течения Узбоя набор керамических материалов аналогичен вышеописанным, но еще беднее. Во всех поселениях этого отрезка Узбоя вместе со своеобразной группой светлой керамики, самой многочисленной в этом районе, встречаются материалы, аналогичные нижне- и вышеузбойским, что облегчает задачу определения хронологических рамок этих поселений. Стоит также отметить, что керамика нижеузбойского типа встречается по преимуществу вблизи границ соответствующих районов — Нижнего или Верхнего Узбоя. Наличие вышеупомянутых материалов дает основание предполагать, что поселения Среднего Узбоя оставлены средневековыми жителями и относятся к периоду средневекового обводнения русла, то есть в основном к началу XIV—XV в.

На среднем течении Узбоя, от урочища Гарры-гечид до колодца Тамдырлы, в XIV—XV вв. жило, судя по рассказу Абу-л-Гази, племя али-или, потомки Али-Чора, входившее в состав объединения уч-илинцев. Относительно происхождения названия али-или существует пред-

¹⁵⁰ См. гл. I, раздел керамики.

¹⁵¹ Следует отметить, что большинство поселений, отмечаемых скоплением средневековой керамики, расположено на коренном берегу или на нижних террасах Узбоя и не связано с существованием узбойских колодцев, так как они расположены далеко от них. В окрестностях колодцев археологические памятники (керамика) малочисленны и преимущественно относятся к XVII—XIX вв. Это связано с тем, что после прекращения тока воды по Узбою данная территория была заселена скотоводами, которые в основном жили у колодцев и кочевали от одного к другому.

положение, что этот народ арабского происхождения. Следует отметить, что в средние века туркмены могли называть народом али людей иранского происхождения. Об этом упоминал 70-летний информатор Бяшим-ага в своем рассказе о дочери Эрсары-бая Мама-Бике, говоря, что в народе иранцев называли али-или.

Бяшим-ага предложил также другое толкование. «Ала» — означает разногласие. Роды али-или якобы не могли жить мирно между собой и поэтому получили название ала.

Еще в 30-х годах среди али-или Г. И. Карповым было зафиксировано очень интересное народное предание о происхождении названия племени¹⁵². В этой легенде говорится, что задолго до прихода в Среднюю Азию Чингис-хана в крепости Ходжам-кала, находящейся на территории теперешнего Кара-Калинского района, жили со своими людьми несколько братьев. Они часто ссорились между собой. Однажды пришел к ним Кары-Алов-пир и сказал: «Все вы сыновья одного отца, но согласия нет между вами, а есть разногласие — «ала» (пестрота), поэтому с нынешнего дня вы будете кочевать; остановки во время ваших кочевков будут продолжаться не более семи дней. Вас будут грабить, но ваших людей брать в плен не будут». Отсюда и утвердилось за этим племенем название «ала-эль» (пестрый народ), хотя его и называют теперь али-или, но это не верно, он никогда не был народом (элем) пророка Алиа, чье имя у него не в таком большом почете, как у персов-шиитов¹⁵³. Ссылаясь на эту легенду и работу П. П. Иванова, который писал об али-или в основном по хивинским документам¹⁵⁴, а также на рассказ Абу-л-Гази, говорящего о том, что племя али-или сформировалось из туркменской и узбекской гольтыбы, Г. И. Карпов считает, что название али-или произошло от понятия «пестрый народ»¹⁵⁵.

Согласно Абу-л-Гази, когда Али-Чора переселился со своими сыновьями на Средний Узбой, к ним присоединились люди из разных племен и породнились с ними.

¹⁵² В 30-х годах об этом сообщали информаторы Г. И. Карпова.

¹⁵³ Г. И. Карпов. К истории туркмен али-эли (ала-эль). — «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 145.

¹⁵⁴ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов. Л., 1940. См. также: Г. И. Карпов. Указ. раб., стр. 147.

¹⁵⁵ Г. И. Карпов. Указ. раб., стр. 145—147.

Поэтому, возможно, толкование легенды об али-или небезосновательно.

В своей специальной работе, посвященной истории туркменского племени али-или, Г. И. Карпов всесторонне освещает вопрос о происхождении и этнографии этого племени. На основании своих данных он сделал следующие выводы: «а) племя али-эли возникло в огузско-туркменский период (VI—X вв.), оно явилось частью этого союза племен и относилось к правому его крылу («бузук»). Такое предположение вытекает еще из того, что племена алкыр-эвли, кара-эвли, языр (карадашли), авшар и каркын, с которыми ала-элинцы имели территориальную общность, принадлежали именно к правому крылу Огузского союза; б) племя али-эли, таким образом, генетически сближается с туркмено-огузскими племенами каркын, алка-эвли (алкыр-эвли) и с кипчаками (команами, половцами); по соседству с кипчаками ала-элинцы жили продолжительное время. С потомками туркмено-огузского племени языр (карадашли) ала-элинцы считают себя «близко родственными»¹⁵⁶.

Нам кажется, что относить али-или к огузским туркменам VI—X вв. оснований мало, особенно если учесть рассказ Абу-л-Гази, в котором происхождение этого племени связывается с приузбойскими районами. Территориальная общность, как и генетическое сближение с туркмено-огузскими племенами, могла возникнуть после XV в., после прекращения тока воды по Узбою, когда али-или вынуждены были уйти в подгорные районы Копетдага или в Хорезм, где вступили в контакт с племенами огузской группы.

Али-или в XIX в. в Хорезме жили в районах Кандум-калы, Кызыл-Тақыра, Хазараспа, Булдумсаза, на канале Клыч-Ниязбай, где их соседями были авшары, ассы, найманы, карадашлинцы (языры) и другие туркмены огузской группы, на что указывает сам Г. И. Карпов¹⁵⁷. Интересен вывод Г. И. Карпова относительно происхождения племенного названия али-или. «Чем больше существует версий о происхождении одного и того же рода или племени, тем убедительнее подтверждается этническая пестрота кровнородственных союзов»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Г. И. Карпов. Указ. раб., стр. 149.

¹⁵⁷ Там же, стр. 147.

¹⁵⁸ Там же, стр. 146—147.

Нам представляется возможным увязать исторический рассказ Абу-л-Гази с археологическими материалами. По рассказу Абу-л-Гази известно, что после монгольского разгрома на среднем течении Узбая поселилось племя али-или, ведущее свое происхождение от раба, принадлежавшего Мама-Бике, дочери Эрсары-бая. Абу-л-Гази сообщает, что «в али-или есть один уруг (род), называемый могольчиклар—они потомки Али-Чора»¹⁵⁹. Возможно, уруг могольчиклар образовался раньше XIV в., в период политической гегемонии Язырского союза, входил в состав этого союза и подчинялся ему. В связи с этим могло возникнуть народное предание, приводимое Г. И. Карповым, о родстве этих племен в далеком прошлом. После завоевания Средней Азии монголами, вытесненный¹⁶⁰ из подгорной равнины уруг могольчиклар мог поселиться на среднем течении Узбая и возглавить основное ядро образованного ими племени али-или¹⁶¹.

Переселившись в район средней части Узбая, али-или могли и не потерять связь со своими старыми соседями — поселениями подгорной равнины Копетдага. Свидетельством этого, вероятно, является наличие наряду с нижне- и верхнеузбойскими материалами своеобразного комплекса керамики, возможно, близкого к керамике подгорной равнины Копетдага. Не исключено также, что при средневековом обводнении Узбая на его среднем отрезке могли поселиться туркмены только одного или нескольких крупных подразделений али-или, возможно, уруг могольчиклар. Значительная часть али-или могла оставаться на прежней территории подгорной равнины,

¹⁵⁹ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 76. Уруг могольчиклар среди современных али-или не встречается. Г. И. Карпов предполагает возможность распада или переселения его в другую страну (Афганистан).

¹⁶⁰ Исследователи утверждают, что после монгольского нашествия разоренное и угнетенное население было вытеснено со своих земель. См.: А. Н. Насонов. Завоевание Туркмении монгольским государством и установление монгольского ига.— В кн.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., стр. 153 и сл.; А. А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана, стр. 88—89, 92.

¹⁶¹ Исследователи неоднократно отмечали, что после монгольского завоевания и катастрофы, постигшей Язырский союз, произошли огромные перемены в племенном и родовом составе туркмен. См.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана..., стр. 161—162.

но имеющиеся письменные источники этого не подтверждают. Суммируя исторические сведения и археолого-этнографические материалы, можно предположить, что али-или как самостоятельное племя образовалось из разных племен и народностей в XIV—XVII вв.

Дальнейшая история али-или освещена в работах Г. И. Карпова и К. Атаева. Г. И. Карпов отмечает, что в 1538—1539 гг. али-или проживали в Хиве в районе Хазараспа, но в 1598 г. они вместе с джелаирами составляли часть населения Мерва и его области, а также «имели свои юрты в областях Нисы, Дуруна и Багабада»¹⁶².

Касаясь истории племен али-или, К. Атаев отмечает, что эта одна из древнейших земледельческих групп туркмен. На Узбое в XV—XVI вв. формировались новые племенные группы и в частности али-или. Они продолжали свое традиционное земледельческое хозяйство¹⁶³.

В этих рассуждениях есть ряд несоответствий. Во-первых, можно уточнить время появления али-или на Узбое по данным Абу-л-Гази. Он называет родоначальником племени али-или Али-Чора, который жил в первой половине XIV в. (см. в I главе о времени Эрсары-бая). Таким образом, легенда относит образование племени али-или к первой половине XIV в. Во-вторых, К. Атаев допускает противоречие: с одной стороны, он отмечает, что во время монгольского нашествия часть обитателей подгорной полосы ушла в пустынные области Западной Туркмении, с другой — утверждает, что на Узбое они (вытесненное в пустынный западный район население подгорной равнины) продолжали вести земледельческое хозяйство.

По рассказу Абу-л-Гази, нет оснований предполагать, что али-или, вытесненные монголами, пришли только из предгорной полосы. Правильнее было бы сказать, что они пришли на Средний Узбой из разных районов и сформировались из людей разных народностей, но основное ядро их, вероятно, были али-илинцы. Что касается хозяйства, то уместно упомянуть, что туркмены использовали любую воду. Это подтверждают и инфор-

маторы И. Реджепов из Чильмамедкума (колодец Худайберды), Х. Марекон из Ак-кую, Г. Хангельдыев из Кемал-ата и др. Поэтому нет оснований считать, что в связи с отсутствием ирригационных сооружений население Среднего Узбая в средневековье занималось только скотоводством.

Хозяйство населения среднего течения Узбая, согласно рассказу Абу-л-Гази, было комплексным — полужемледельческим, полускотоводческим. Анализируя этот рассказ, В. Г. Мошкова делает предположение, «что согласно этим данным, племена хызр-эли и али-эли на Узбое в основном были земледельцами, так как даже подать, которую, по словам Абульгази, они выплачивали Хорезму, исчислялась с земледельческих продуктов, по-видимому, зерном. Но и скотоводство не было им чуждо. Абульгази рассказывает, что в летнюю жару те из них, которые имели скот, откочевывали от Узбая в глубь степи к колодцам»¹⁶⁴.

Высокие береговые террасы среднего течения Узбая затрудняли использование воды в крупном масштабе. Заниматься ирригационным земледелием здесь было невозможно без серьезных водоподъемных сооружений. Где высокие берега не позволяли вывести воду из реки, там жители использовали нижние террасы, увлажняемые рекой и саями, а засоленные участки промывались паводковыми водами. Эти воды, приносимые многочисленными саями, прорезающими высокие берега, промывали соли с нижних террас и делали их временно пригодными для земледелия. Возможно, ранней весной население засеивало эти террасы, а к лету получало урожай.

Основным же занятием населения среднего течения Узбая было скотоводство. Достаточное количество воды и обилие трав создавали большие удобства для скотоводов и способствовали содержанию большого количества скота. Свидетельством тому служит рассказ того же Абу-л-Гази о том, что налоги хорезмскому хану в основном платили скотом и только какую-то часть — земледельческими продуктами. В нем говорится, что после похода Суфьян-хана и других событий все приузбойские туркмены уч-илинцы платили дань хорезмскому хану. Все племена были обложены данью; племена, жившие

¹⁶² Г. И. Карпов. Указ. раб., стр. 148.

¹⁶³ К. Атаев. Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX—начале XX в. Канд. дис. М., 1966. стр. 277.

¹⁶⁴ В. Г. Мошкова. Указ. раб., стр. 187.

по Амударье и носившие общее название уч-иль (три племени), платили десятину со всех пашен, с племен али и тиведжи взимался также налог со стад¹⁶⁵.

С. П. Толстов полагает, что речь идет о базировавшемся на узбойских колодцах и озерах кочевом туркменском населении, от которого остались следы пашен на дне Узбоя. А виноградники и рощи действительно были, но они кончались не у Огурчи, а у Сарыкамыша¹⁶⁶. По его мнению, на Узбое, видимо, в очень незначительном количестве занимались земледелием.

Население Среднего Узбоя могло заниматься каирным земледелием на нижних террасах. Этот способ земледелия характерен для всех полужемледельческих, полускотоводческих народов Средней Азии с давних времен.

Наличие средневековых археологических памятников и их исследование позволяет установить, что в средневековье на берегу среднего участка Узбоя жило племя али-или, базируясь на полужемледельческом, полускотоводческом хозяйстве. Результаты археологических исследований не противоречат рассказу Абу-л-Гази о густонаселенном цветущем оазисе на берегу Узбоя. При средневековом обводнении жители среднего участка Узбоя могли заниматься каирным земледелием.

Таким образом, можно сделать вывод, что среднее течение Узбоя в период обводнения русла (в начале XIV—XV вв.) занимало туркменское племя али-или. Основным его занятием было скотоводство и в какой-то степени неполивное (каирное) земледелие.

После прекращения тока воды по Узбою часть али-или могла переселиться в район Кара-кала. Поэтому современные легенды, распространенные среди али-или подгорной равнины Копетдага, связывают происхождение племени с Ходжам-кала, находящейся в настоящее время на территории Кара-кала. Часть али-или вместе с хызыр-или после прекращения стока воды по Узбою через Хорезм (скорее всего через Сарыкамыш и район древнего Ургенча) могла расселиться на среднем течении Амударьи. Г. И. Карпов отмечает, что в район среднего течения Амударьи али-или пришли с ее низовьев¹⁶⁷.

¹⁶⁵ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа.— Соч., т. 2, ч. 1, стр. 595; В. Г. Мошкова. Указ. раб., стр. 187.

¹⁶⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 308.

¹⁶⁷ Г. И. Карпов. Указ. раб., стр. 148.

ГЛАВА III

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО УЗБОЯ (туркменское племя хызыр-или)

Верхний Узбой от южного края Сарыкамышской впадины до урочища Гарры-гечид выделяется по характеру археологических памятников. Если на Нижнем и Среднем Узбое они представлены лишь следами построек (мечети, усадьбы и др.) и скоплениями керамики, оставшимися от поселений, то на Верхнем Узбое одновременно с аналогичными памятниками обнаруживаются крупные укрепленные средневековые караван-сарай, стоящие на караванном пути, соединяющем Хорезм с Южной Туркменией и Ираном, и античная крепость Игды-кала.

Русло Верхнего Узбоя ниже Ак-яйла в районе от Игды до урочища Гарры-гечид проходит через мощную толщу каракумских отложений. На этом участке пески подходят с обеих сторон непосредственно к долине.

На Верхнем Узбое обнаружено большое количество археологических находок, относящихся к разным эпохам — от неолита до позднего средневековья. Памятники района Верхнего Узбоя выделяются своим своеобразием. Первые сведения о них носят случайный характер: например, персидский географ Хамдаллах Казвини еще в XIV в. упоминает о караван-сараях при описании караванного пути, соединяющего Хорезм с Ираном.

Всестороннее изучение археологических памятников Верхнего Узбоя началось с середины нашего столетия (с 1947 г.) сотрудниками Хорезмской экспедиции. Во время маршрута 1951 г. было проведено несколько десятков поисков со сборами подъемного материала; были открыты многочисленные поселения с кремневыми орудиями эпохи неолита и скопления керамики, относящиеся к средневековому периоду. Произведены раскопки и

шурфовка на караван-сараях¹⁶⁸. Позднее—в 1952, 1954 и другие годы — Верхний Узбой и прилегающие к нему районы также изучались различными археологическими отрядами Хорезмской экспедиции. С 1966 г. данный район изучается Туркменским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН СССР.

Обычно средневековые поселения Верхнего Узбоя расположены на коренном берегу, на невысоких участках береговой террасы или на берегах озерных заливов и на такырах. Вдоль караванных троп керамика встречается в тех случаях, когда они подходят к руслу, что подтверждает связь поселений с обводненным руслом. На верхнем участке Узбоя зафиксировано около 150 остатков средневековых поселений, на месте которых сохранились следы построек, большие скопления керамики. Наиболее крупные из них расположены в районе истока Узбоя на южно-сарыкамышских заливах, севернее Бала-ишема (сев.), между Бала-ишемом и Талайхан-ата, в районе Талайхан-ата, Куртыш-баба, Игды и др.

Одним из наиболее интересных памятников Верхнего Узбоя являются развалины караван-сарая Ак-яйла. Полемика относительно развалин на Ак-яйла, поднятая в свое время А. М. Коншиным и В. А. Обручевым, продолжалась до 50-х годов нашего столетия. В. А. Обручев, лично посетивший в 1888 г. развалины Ак-яйла и видевший там желоб километровой длины, протянувшийся по такыру и отходящий от развалин в сторону Узбоя, принял развалины и желоб за остатки ирригационного сооружения, снабжавшего водой из Узбоя примыкавшие к берегу поля (исходя из того, что Узбой

¹⁶⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 7—258; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 301—325; его же. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 239—262; О. А. Вишневская. Указ. раб. стр. 431—466; М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, стр. 259—310; Т. А. Трофимова. Материалы по палеоантропологии Хорезма. ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 694; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 267—343.

в средние века был действующей рекой)¹⁶⁹. С мнением В. А. Обручева согласен и инженер А. И. Свинцов, участник Амударьинской экспедиции конца прошлого столетия. Он считал, что на Узбое было оседлое население, пользовавшееся водой из реки¹⁷⁰.

А. М. Коншин высказывался против точки зрения В. А. Обручева, считая ак-яйлинскую развалину просто водосборным каком, предназначенным для собирания дождевой воды с такыра для водоснабжения караванов. Свое мнение он основывает на том, что бассейн расположен на краю глиняного обрыва, ничем не укрепленного, что уклон желоба и местности идет к Узбою и что следов ирригации на такыре не видно¹⁷¹.

В 1950—1951 гг. сотрудниками Хорезмской экспедиции на развалинах Ак-яйла были проведены рекогносцировочные раскопки. Было заложено 4 шурфа и сделана нивелировка по линии кирпичного желоба, продолжительность которого от развалин около 1 км, был сделан также схематический план, разрезы и определен характер и назначение этого памятника¹⁷².

С. П. Толстов согласился с А. М. Коншиным по вопросу о падении рельефа в сторону русла, так как нивелировка показала, что кирпичный желоб имеет уклон 7,5 м на 990 м длины водопровода в сторону Узбоя. На берегу Узбоя находятся развалины крупного сооружения, к которому подводилась желобом вода.

Сам желоб сооружен из жженого квадратного кирпича довольно низкого качества, производившегося на месте¹⁷³. Что касается следов ирригации, то ни авиаразведкой, ни аэрофотосъемкой, ни наземным обследованием не установлено в непосредственной близости от водопровода и вокруг цистерны никаких следов земледельческой культуры. После первых обследований

¹⁶⁹ В. А. Обручев. Указ. раб., стр. 250.

¹⁷⁰ А. И. Свинцов. Указ. раб., стр. 234.

¹⁷¹ А. М. Коншин. Указ. раб., стр. 150—151; В. А. Обручев. Указ. раб. стр. 199—200.

¹⁷² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. СА, № XVIII, 1953; его же. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА, XIX, 1954; О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 433—440.

¹⁷³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г., стр. 323.

С. П. Толстов тоже считал развалины водосборным сооружением типа каков, но «инженерно» оборудованным. По керамическим материалам, найденным на поверхности развалин, время существования памятника было отнесено к хорезмшахскому периоду XI—XII вв. С. П. Толстов пишет, что «ни одного фрагмента керамики монгольского времени здесь найдено не было. Таким образом, можно считать дискуссионный вопрос об ак-яйлинском водопроводе окончательно решенным: перед нами водяная цистерна, специально оборудованная «дождевая яма», к которой проведен водосборный канал»¹⁷⁴. В результате раскопочных работ было определено, что Ак-яйла идентичен караван-сараяу Талайхан-ата и др.

О. А. Вишневская, проводившая раскопки на Ак-яйле, пишет, что ак-яйлинское сооружение — не водохранилище, как представлял себе А. М. Коншин, а караван-сарай, аналогичный другим караван-сараям, построенным в домонгольский период вдоль самых значительных караванных троп по Верхнему и Среднему Узбою. Сохранность его значительно худшая, чем у Дэв-калы и Талайхан-ата, тем не менее форма бугра и данные шурфовки, выявившей радиальное направление стен, позволяют прийти к заключению, что по типу своей архитектуры он не отличается от других узбойских караван-сараяев круглой планировки¹⁷⁵. Ею же при шурфовке центральной части здания было выявлено два уровня выложенных кирпичом полов, расположенных на расстоянии 0,40 м один над другим. Между ними зафиксирован строительный мусор, фрагменты керамики и кости. При этом отмечалась разница кирпичей в нижнем и верхнем полу. При дальнейшей зачистке вскрыта горизонтально лежащая частично врезанная в материк керамическая водопроводная труба. По описанию О. А. Вишневской, трубы шли с наклоном по направлению к центру, но очень незначительным¹⁷⁶.

Представляется правильным замечание О. А. Вишневской, что трудно пока решить, какую роль играли скрытые трубы. Можно лишь предполагать, что с та-

кыр вода попадала по кирпичной трубе в какую-то цистерну-отстойник и уже оттуда по керамическим трубам шла в помещение. Но это только предположение¹⁷⁷. О. А. Вишневская отмечает также наличие длинного до 1 км кирпичного желоба (выходящего на поверхность полосой дробленых обожженных кирпичей), который, не доходя 30—40 м до развалин, теряется. Однако трудно представить необходимость сооружения водосборного желоба с уклоном в 7 м. Если такой желоб предназначался для сбора атмосферных вод, то он должен был доходить до такыра, где могла собираться дождевая вода, но для сбора ее при столь большом уклоне местности желоб не требовался бы, так как, если сардобу построить в 100 м южнее, на устье современного оврага, идущего параллельно с водопроводом, то вода стекала бы к берегу Узбоя — развалинам караван-сарая и без желоба.

Для водосбора было бы рациональнее использовать овраги, перегородив их плотинами, или низкие участки такыра, как это делали туркмены позднее. Конец желоба длиной около 10 м повернут на юго-юго-запад. Здесь (весной 1970 г.) он был частично расчищен, причем выяснилось, что желоб имеет наклон не к руслу Узбоя, а в противоположном направлении. Расчистка в месте окончания желоба обнаружила обломки жженого и сырцового кирпича: вероятно, здесь располагался небольшой резервуар¹⁷⁸ для сбора воды, стены которого в настоящее время не сохранились. Стоит отметить, что водопровод расположен выше, чем окружающая поверхность¹⁷⁹. Это уже свидетельствует о том, что желоба предназначены не для сбора атмосферной воды с поверхности такыра, а скорее всего для подачи воды прилегающим участкам. С другой стороны, на самом

¹⁷⁷ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 438.

¹⁷⁸ Стоит отметить, что оставшиеся следы резервуара не превышают в квадрате 2×2 м, который по своим размерам не мог служить водоприемником. В плане, снятом А. М. Коншиным, предполагаемый резервуар отмечен круглым. Возможно, когда там был А. М. Коншин, резервуар сохранился хорошо и имел в плане круглую форму. (А. М. Коншин. Указ. раб., табл. 13).

¹⁷⁹ В. А. Обручев еще в полемике с А. М. Коншиным отмечает, что одно существование насыпи над желобом опровергает предположение г. Коншина, то есть все это для ирригационного бассейна; В. А. Обручев. Указ. раб., стр. 200.

¹⁷⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1950 г., стр. 323.

¹⁷⁵ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 435—436.

¹⁷⁶ Там же, стр. 437.

конец желоба нет водоприемника, а если бы он был, то, вероятно, конец водопровода и водоприемник должны были бы обращены на восток к уклону, а не на юго-юго-запад—к низине. И вообще собирать воду с такыра с 7-метровым уклоном такой узенькой трубкой просто неразумно, так как при паводковой воде такой водопровод был бы разрушен.

На нескольких участках желоба сохранились возвышенности, всхолмления, по-видимому, служившие водоемом между желобами, как Сарыкамышский водоем между валами и распределителями воды к прилегающим участкам. В большинстве случаев от этих всхолмлений слева или справа расходятся щебни жженого кирпича, позволяющие предполагать водораспределители. Но здесь, видимо, водоем и распределитель сделаны из кирпича, свидетельством чего являются груды обломков кирпича на этих бугорках. Все это говорит о том, что водопровод никак не мог служить для сбора воды с окружающей местности, а, по-видимому, предназначался для подачи воды на прибрежные участки со стороны Узбоя, как это считали В. А. Обручев и А. И. Свинцов.

Можно только предполагать, что водопровод у Ак-яйла, как и Сарыкамышская ирригационная система, является своеобразным водоподъемным сооружением. Существование на нижних береговых террасах следов примитивного земледелия никем не отрицается¹⁸⁰. Отсутствие же следов ирригационных систем на данном участке можно объяснить тем, что время полностью стерло их с лица земли. Ссылаясь на работу А. И. Свинцова, В. А. Обручев отмечает, «г. Свинцов заметил на этом (Акяйлинском) такыре слабые следы бывших полей в виде параллельных борозд»¹⁸¹.

В сборах 1970 г. вокруг и на самом памятнике найдены очень фрагментированные обломки от разных сосудов — красновато-кремовых, коричневых или светло-глиняных. Встречены фрагменты от поливных и даже кашинных сосудов; по аналогии с керамическим мате-

риалом с остальных верхнеузбойских памятников они могут быть датированы началом XIV—XV в.¹⁸²

Как уже отмечено, время существования караван-сарая Ак-яйла на основании малочисленных керамических материалов исследователями отнесено к XI — началу XIII в.¹⁸³ Керамических материалов, кстати весьма малочисленных и фрагментарных, недостаточно для того, чтобы точно определить нижнюю и верхнюю хронологическую границу памятника. Керамика — красновато-кремового или коричневого теста встречается и в более поздних комплексах на Среднем и Верхнем Узбое и в районе Чырышлинской ирригационной системы, где датируется в основном началом XIV—XV в. Два строительных периода памятника, отмеченные О. А. Вишневской, могут быть по аналогии сопоставлены с двумя строительными периодами караван-сарая Талайхан-ата. Не исключено, что на Ак-яйла, так же как и на Талайхан-ата¹⁸⁴, керамические желоба относятся к первому периоду жизни караван-сарая, а на смену им пришел желоб из кирпича. Можно предполагать, что первоначальное возникновение памятника относится к моменту разрушения Хорезма монголами, после чего возобновилась жизнь на Узбое, а второй строительный период связан с разрушением Хорезма Тимуром. Окончательно установить нижнюю и верхнюю границу памятника можно будет только при дальнейших раскопках.

В 1969 г. было обнаружено поселение (развалины крупного здания в районе караван-сарая Ак-яйла), расположенное на правом берегу русла Узбоя против Акяйлинской луки. Оно заметно издали, благодаря развалинам крупного здания, стоящего в центре поселения и усеянного кирпичной щебенкой. Общая высота развалин не превышает 0,30—0,50 м и являлась небольшой постройкой (рис. 10), состоящей из трех комнат и большого двора. Дом был первоначально построен, как показал шурф, заложенный в одном из его помещений, из сырцового и жженого кирпича с вымосткой

¹⁸² Сборы керамических материалов хранятся в отделе археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

¹⁸³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г., стр. 323; О. А. Вишневская. Указ. раб. стр. 440.

¹⁸⁴ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 448.

¹⁸⁰ С. П. Толстов. Археологические памятники на трассе..., стр. 55—56; его же. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г., стр. 253.

¹⁸¹ В. А. Обручев. Указ. раб., стр. 200.

пола белыми тонкими плитками из слоистого камня. Частично этим камнем облицовывался и низ стен. Позднее, во втором строительном периоде, стены были, вероятно, только сырцовыми. Сырцовый кирпич имел примесь самана, его размеры из-за плохой сохранности установить не удалось.

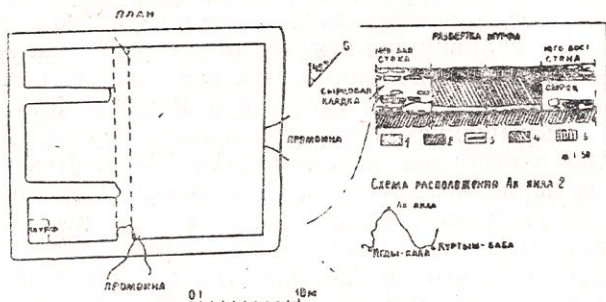

Рис. 10. План к разрезу развалин крупного здания.

Судя по расположению большой промоины, вход на- ходился посередине северо-восточной стены здания. А на месте второй небольшой промоины в южной стене раз- валин находилась калитка, обращенная к Узбою. На развалинах зданий и в ее окрестностях, где было посе- ление с легкими или переносными жилищами, было найдено много фрагментов кирпича и значительное количество керамики. В шурфе встречен фрагмент красноглиняного сосуда того же типа, что и в подъемке. Керамика на поселении в основном серая хорезмийская, красная актамская, немного светлоглиняная — дати- руется XII—XIV вв. Кроме того, есть фрагменты с грубой бирюзовой поливой. Как показало обследование местности около усадьбы, этот памятник мог сущест- вовать только в связи с обводнением Узбоя, такеры для сбора атмосферной воды отсутствуют.

Скопление керамики на месте средневекового посе- ления обнаружены в 7 км юго-восточнее современного поселка Ак-яйла, на левом берегу Узбоя, на такырной поверхности у окраины песков. Это серая, красная или красновато-кремовая в изломе черепка, изготов- ленная на гончарном круге.

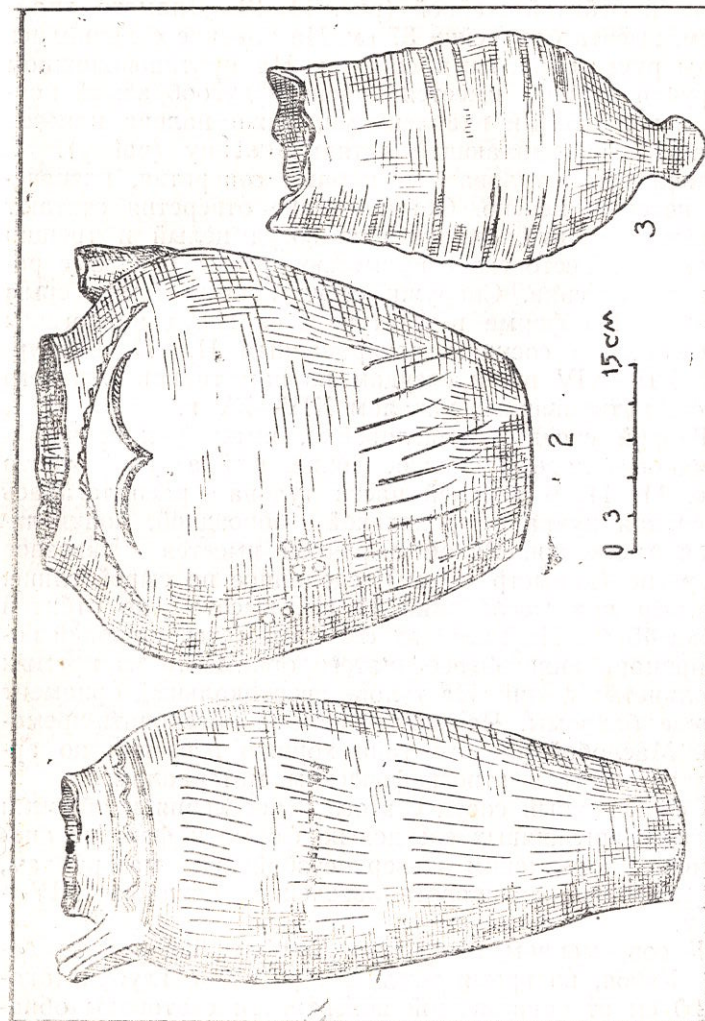

Рис. 11. Керамика из поселения Ак-яйла

Почти целиком сохранились два сосуда. Первый из них — плоскодонный сероглиняный с расширяющимся к верхней части туловом, широким, слегка покатым плечиком и отбитой шейкой (рис. 11, 2). Диаметр дна — 15 см, высота без шейки 37 см. На плечике сохранились следы ручек, округлых в сечении. На противоположном от ручки плечике имеется наклепной дугообразный поясок с пальцевыми вдавлениями, ниже налепа нанесен орнамент, напоминающий летящую птицу (чайку). В средней части тулова три парных отверстия, назначение которых неясно. Обычно такие отверстия считают следами ремонта, однако наш сосуд целый и трещин в нем нет. Тесто его с примесью дресвы, в изломе розоватого оттенка. Снаружи сосуд покрыт темно-серым ангобом. По форме и фактуре этот сосуд аналогичен хорезмийским сосудам, датированным Н. Н. Вактурской XII—XIV вв. и сосудам из памятников Верхнего Узбоя, датированных началом XIV—XV в.

Второй сосуд — маслбойка, имеет удлиненно-яйцевидное тулово и плоское донце, шейка его отбита (рис. 11, 1). В верхней части тулова располагалась массивная ручка с продольной бороздкой, полукольцевая в сечении. Рядом с ручкой имеется сквозное отверстие (диаметр 12 мм), сделанное по сырой глине. Диаметр дна маслбойки 11 см, высота до отбитой шейки 45 см. На плечиках сосуда имеется широкий пояс процарапанного гребенчатого орнамента из прямых и волнистых линий. На тулове вертикальный орнамент в виде бахромы. Черепок в изломе красновато-кремовый. Маслбойки этого типа хорошо известны по археологическим и этнографическим материалам.

Сероглиняный сосуд с этого поселения и обломки других сероглиняных сосудов по форме и фактуре аналогичны хорезмским и верхнеузбойским материалам, что позволяет датировать поселение началом XIV—XV в.

В современном поселении Ак-яйла, на правом берегу Узбоя, во время земляных работ на глубине около 20 см от современной поверхности скотоводы обнаружили дигир (рис. 11, 3). Форма тулова его напоминает яйцо со срезанным острым концом. Округлое дно дигира имеет шарообразный выступ, предназначенный для крепления его на чигирь. Поверхность — ребрис-

тая. На внешней поверхности в виде полос имеются зеленые потеки поливы. Эта находка дополняет ранее найденные обломки дигирей из других районов Узбоя и подтверждает слова Абу-л-Гази о том, что население Узбоя в средние века занималось ирригационным земледелием.

Следующим крупным населенным пунктом на земле, принадлежавшим в XIV—XV вв. уч-илинскому племени хызыр-или по Верхнему Узбою, является урочище Куртыш-баба. Оно (Гердиш) как центр расселения уч-илинских племен хызыр-или упоминается Абу-л-Гази. В. В. Бартольд при описании караванной дороги (по сочинению Хамдаллаха Казвини), соединяющей Хорезм с Южной Туркменией и Ираном, отождествляет Куртыш-баба с местностью Каравангах (место караванов)¹⁸⁵.

С. П. Толстов считает Карвангах аналогичным караван-сарая Орта-кую¹⁸⁶, впервые обнаруженным в 1951 г. во время Узбойского автомаршрута на левом берегу Узбоя, в 10 км от русла, на невысоком бугре юго-западной окраины котловины. По описанию Хамдаллаха Казвини, Каравангах находится между рабадом Тамгач (отождествляемом С. П. Толстовым с Талайхан-ата) и Рабат-и-Серхенгом («рабат военачальника» по С. П. Толстову, Дэв-кала). Результаты исследований последних лет позволяют отождествить Каравангах Хамдаллаха Казвини с районом Игды¹⁸⁷.

В урочище Куртыш-баба русло Узбоя довольно узкое, правый берег более низкий, имеет уклон к воде; левый берег более высокий и ровный. Ширина глинистой террасы на левом берегу значительно больше, чем на правом. По обоим берегам тянутся высокие песчаные гряды. На правом берегу, чуть ниже поворота, русло подходит вплотную к берегу. Почти против

¹⁸⁵ В. В. Бартольд. — Соч., т. 3, стр. 53—54.

¹⁸⁶ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1956 г., стр. 250; его же. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 38; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 326.

¹⁸⁷ Х. Юсупов. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кизыл-Арватом. — В кн.: Каракумские древности, вып. 4. Ашхабад, 1972, стр. 141.

поворота у реки, на левом берегу, расположено старое кладбище с могилой Куртыш-баба.

Могила Куртыш-баба имеет сундукообразное надгробье, сложенное из плит известняка. Вокруг могилы невысокая глинобитная ограда прямоугольной формы. Сверху ее заметно валообразное возвышение, имеющее форму круга или овала. Возможно, это остатки разрушившейся более древней ограды могилы. Могила ориентирована с востока на запад с небольшим отклонением на север. В изголовье ее с западной стороны стоит несколько палок, обвязанных разноцветными лоскутками, лежат глиняные сосуды, покрытые темно-зеленой поливой, в которые приходящие на поклонение кладут приношения. Тут же на земле лежат рога баранов. Кроме могилы Куртыш-баба на кладбище еще три могилы имеют овальные глинобитные ограды. Их ориентация такая же, как у Куртыш-баба. В изголовье одной из них — палки с разноцветными лоскутками.

В рассказе Абу-л-Гази говорится, что именно здесь, в урочище Куртыш-баба (Гердиш), поселился старший из братьев — сыновей раба Мама-Бике Хыз (д)ыр-Чора. Абу-л-Гази говорит, что поселившийся здесь Хыз (д)ыр-Чора стал заниматься земледелием. С разных сторон к нему стекались люди и жили вместе с ним, признав его своим главой. Так будто бы возникло племя хызыр-или, со временем заселившее берег Узоя от колодца Пишгах (пишге—низкий) на западной окраине Хорезма до переправы Гарры-гечид, ниже по реке¹⁸⁸.

По всей вероятности, могила Куртыш-баба принадлежит Хыз(д)ыр-Чора, первым поселившемуся в этой местности. Его прозвище Куртыш, связанное с названием местности, могло заменить имя, а «баба» — обычное прилагательное в названиях могил, принадлежащих «родоначальникам туркменских племен».

К западу от кладбища находки керамики тянутся узкой полосой на 100—150 м вдоль реки. Дальше от берега керамики почти нет. Подобное расположение керамических находок, говорит о том, что в русле Узоя

во время существования поселения была вода, к которой и тяготело поселение. На западной окраине поселения помимо керамики встречаются керамические шлаки.

В комплексе преобладают фрагменты сероглиняных сосудов с примесью дресвы и с темным ангобом, а также без примеси и без ангоба. Фрагментарность этих обломков не дает основания датировать их более узким хронологическим периодом, чем XII — началом XV в.¹⁸⁹ Фрагменты от кремневых или красноватого обжига сосудов по аналогии с хорезмскими комплексами относятся к XV—XVII вв.¹⁹⁰ Надо отметить, что сосуды с красноватым обжигом, облицованные красноватым ангобом, встречаются и среди неполивных сосудов Хорезма XII—XIII вв., относящихся обычно ко второй половине этого периода¹⁹¹. В районе Куртыш-баба во время узбойского маршрута 1951 г. обнаружен ряд поселений (поиск 165, в окрестностях кладбища, поиски 161, 162, 163, 164, 166 на периферии района Куртыш-баба)¹⁹². Все они связаны со средневековым обводнением Узоя. Довольно высокие берега его у урочища Куртыша по своим почвенным условиям вполне пригодны для богарного земледелия.

Другое средневековое поселение, обследованное в 1970 г., расположено на мысу второй террасы правого берега Узоя в 5 км ниже колодца Куртыш. Здесь обнаружены остатки развалин из жженого кирпича и камня, носящие местное название Ярты-гуммезли. В. А. Обручев, посетивший этот памятник, отмечает, что здесь находятся развалины здания и башни из обожженного кирпича, а вблизи их обширное кладбище¹⁹³. Развалины имеют вид почти квадратного всхолмления высотой около 1 м, размером 9×8 м. Середина развалин углублена в результате хищнической выборки кирпича и камня. На поверхности развалин встречены

¹⁸⁹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 302, 326; О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 439, 457—459; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241.

¹⁹⁰ Н. Н. Вактурская. Указ. раб., стр. 329.

¹⁹¹ Там же, стр. 302, 326.

¹⁹² Материалы хранятся в архиве Хорезмской экспедиции АН СССР.

¹⁹³ В. А. Обручев. Указ. раб., стр. 176.

¹⁸⁸ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 76.

одиночные обломки красноглиняной керамики и алебаstra.

В 10 м юго-западнее находятся развалины меньшего здания, заметного в виде красного пятна. Здание квадратное (4×4 м) в плане. Шурф 1×1 м глубиной 0,7 м, заложенный в северо-восточном углу его, вскрыл основание стен из жженого кирпича, изнутри облицованных алебастром. На полу помещения в перевернутом виде найден целый кувшин. Он имеет яйцевидное тулово, плоское донце с выступающей закраиной и небольшой кольцевой выемкой снизу. Горловина цилиндрическая, невысокая. Массивная гребенчатая ручка прикреплена к середине горла и внизу к плечу. Диаметр валикообразного венчика 9,5 см, диаметр дна 10,5, высота 41 см. На плечиках и горле узкие пояски гравированного орнамента в виде нескольких параллельных линий. Кувшин сделан из плохо отмученного теста, черепок в изломе розовато-коричневый. Ангоб отсутствует. Внешняя поверхность в результате неравномерного обжига имеет разную окраску — от серого до оранжевого.

На северо-северо-восток от развалин лежит старое туркменское кладбище с каменной оградой, стелами и пирамидами (?). В 300 м западнее кладбища видны развалины мазара размером 6×6 м, сложенного из крупных обтесанных каменных плит. Вход мазара обращен на восток, слева и справа от него небольшие пристройки размером 2×2 м. Внутри мазара каменная пирамидка, а с севера и северо-запада, частично даже вплотную к его стенам — могилы. Все это свидетельствует о наличии в этом месте бывшего крупного поселения, пользовавшегося водой Узбоя. Керамический материал с развалин Ярты-Гумбезли находит параллели со всеми остальными поселениями Верхнего Узбоя, датированными началом XIV—XV в.

На этой усадьбе был найден обломок посуды от водоподъемного сооружения — чигиря. Это дает новые материалы для датировки времени тока воды по Узбою в средние века и подтверждает слова Абу-л-Гази о наличии земледельческого хозяйства у жившего на его берегах туркменского населения.

Караван-сарай Талайхан-ата всесторонне изучался вместе со всеми археологическими памятниками Верх-

него Узбоя в 50-х годах сотрудниками Хорезмской экспедиции. В 1952 г. были расчищены почти половина памятника и водопроводные желоба, идущие с такыра к караван-сарая. Дано подробное описание, выяснен характер планировки и периоды существования строительных сооружений и материалов. С. П. Толстов, посетивший развалины Талайхан-ата в 1950 г. отметил, что эти развалины, часто упоминавшиеся в специальной литературе, представляют собой остатки средневекового караван-сарая, функционировавшего как в домонгольское, так и в золотоордынское время¹⁹⁴.

На холме, расположенном к северо-западу от развалин караван-сарая Талайхан-ата, в 1951 г. собран интересный комплекс подъемной керамики — более 360 обломков. Они составляют единый хронологический комплекс и по аналогии с материалом Хорезма и с материалами из раскопок второго строительного периода караван-сарая Талайхан-ата дают основание отнести существование этого поселения к тому же периоду, что и верхний слой караван-сарая, то есть к XIV—XV вв.¹⁹⁵

На западной части северо-восточного бугра около караван-сарая сотрудниками Хорезмской экспедиции были произведены раскопки, в результате которых установлено, что это — печь для обжига кирпича, относящаяся к концу XIV—XV вв. и расположенная на месте какого-то более раннего здания¹⁹⁶. С юго-западной стороны караван-сарая, где расположено кладбище, собрана в значительном количестве керамика, также датированная XIV—XV вв. Видимо, на территории кладбища первоначально было поселение монгольского времени. Датировать кладбище без раскопок не представляется возможным. Подъемные керамические материалы с территории кладбища относятся к началу XIV—XV в.

¹⁹⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, стр. 325.

¹⁹⁵ Н. Н. Вактурская в своем полевом дневнике отмечает, что большинство керамики с этого холма относятся к монгольскому времени. (Дневник № 3, 1951 г. маршрут по трассе ГТК, стр. 72). Дневник хранится в архиве ХЭ (Институт этнографии АН СССР).

¹⁹⁶ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 462 и сл.

В результате раскопочных работ на Талайхан-ата сотрудникам Хорезмской экспедиции удалось разделить его жизнь на два периода — XI — начало XIII в. и конец XIII—XIV — возможно, начало XV в.¹⁹⁷ Ссылаясь на датировку второго периода существования этого сооружения, ими отмечено, что «это исключает предположение о течении в XIII—XIV вв. воды по Узбою»¹⁹⁸.

Нужно признаться, что нами не были произведены дополнительные стационарные работы на развалинах Талайхан-ата в связи с удаленностью этого района от населенных пунктов. Но по результатам маршрутных поездок и литературным данным, можно отметить, что функционирование в XIII—XIV вв., а, может быть, и в начале XV в. этого водосборного сооружения вряд ли дает основание для такого вывода, а скорее подтверждает обратную точку зрения об обводненности Узбоя в послемонгольское время.

Как известно, материалы, связанные с первым существованием памятника, малочисленны и их недостаточно для определения точного времени основания караван-сарая. О. А. Вишневская, сравнивая керамику из нижнего слоя караван-сарая Талайхан-ата с керамикой из Замахшара, отмечает отсутствие орнаментальных надписей, характерных для X—XI вв. в керамике Замахшара и на этом основании керамику из нижнего слоя Талайхан-ата относят к концу XI в. К этому же времени отнесены также фрагменты стеклянных предметов. Основным аргументом для хронологического определения первоначального существования караван-сарая служили надписи, обнаруженные с наружной стороны у южной стены памятника с датами 472 хиджры (соответствующей 1079 г.); все это позволило датировать нижний слой караван-сарая XI — началом XIII в.¹⁹⁹

Большинство находок из раскопок (керамика, монета, бусы и др.) относится к верхнему строительному

периоду, датируемому концом XIII—XIV — началом XV в. Уже отмечалось, что желоба и система сбора воды караван-сарая на Узбое (и в частности Талайхан-ата) служили одним из основных аргументов С. П. Толстова для отрицания обводнения Узбоя после монгольского разгрома Хорезма. По всей вероятности, наличие водосборных сооружений не может служить свидетельством отсутствия воды в Узбое, так как сардобы и желоба могли существовать и в период обводнения Узбоя в конце XIV — начале XV в., так как жизнь на караван-сарая, по мнению О. А. Вишневской, продолжалась и в начале XV в.²⁰⁰ Видимо, воды, собираемой в сардобе Талайхан-ата, не хватало для населения караван-сарая и поселения, располагающегося, судя по подъемному материалу, с конца XIII—XIV — начала XV в. у стен караван-сарая. Возможно, что второй период восстановления караван-сарая связан со вторым периодом обводнения Узбоя в конце XIV в. после разрушения ирригационных систем Хорезма, когда на Узбое наблюдался приток населения.

Сама сардоба размером невелика, так что вряд ли атмосферные осадки могли бы обеспечить полностью нужды населения Талайхан-ата. Поэтому наличие сардобы можно объяснить, с одной стороны, прерывистым обводнением Узбоя, что возможно только в знойное лето, когда уровень воды сокращался как в Теджене, так и в Атреке, и нужен был запас воды. С другой стороны, узбойская вода, как и в Амударье, илистая и поэтому сардоба использовалась для сбора чистой отстоявшейся воды с такыра, куда узбойская вода могла подаваться водоподъемными сооружениями даже выше караван-сарая. В-третьих, сардоба в укрепленном караван-сарая, возможно, заполнялась водой для того, чтобы иметь запас воды в случае осады неприятелем. Можно предполагать, что сардоба могла существовать и при течении воды по Узбою. По описанию Макдиси можно убедиться, что сардобы построены не только для атмосферных вод, но и в земледельческих районах, то есть там, где были другие источники воды.

В 1969—1970 гг. были обнаружены новые следы средневековых построек. Среди них следует отметить

¹⁹⁷ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 327; О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 442, 466.

¹⁹⁸ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 29.

¹⁹⁹ Там же; О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 445.

²⁰⁰ О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 466.

расположенный в 300 м к западу от караван-сарая Талайхан-ата холм до 20 м в диаметре, высотой около 1,5 м. На поверхности холма встречается шлак, обломки жженого кирпича и керамики. С западной стороны холма расположен прямоугольный бассейн размерами 6×2,5 м. В 4 м западнее бассейна находится небольшое возвышение, покрытое кирпичной щебенкой. От этого возвышения к береговому обрыву проходит «труба» водопровода длиной около 30 м, шириной 0,7 м. В двух местах, у обрыва и в средней части водопровода, провели контрольную раскопку. Под слоем 25 см толщины твердой глины начинается проем трубы, забитой песком, шириной 32 см, высотой 0,4 м.

В 8 м от бассейна расположены с востока на запад три небольших всхолмления, покрытые обломками ошлакованного кирпича. Нахождение между отмеченными всхолмлениями и береговым обрывом двух куч известняка позволяет предположить в них остатки печей для обжига известня. Весь этот комплекс целиком служил мастерской для изготовления строительных материалов, используя воды Узоя. Подъемные керамические материалы с поверхности комплекса в основном мелкие фрагменты от сероглиняных сосудов, так называемые хорезмские, датированные сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции XII—XIV вв.²⁰¹ Эта керамика в большом количестве встречается на поверхности самого караван-сарая Талайхан-ата и его верхнем слое²⁰². Поэтому время функционирования этого комплекса можно отнести ко второму строительному периоду караван-сарая, то есть ко второй половине XIII—XV вв., ко времени функционирования Узоя после монгольского нашествия.

На левом берегу Узоя в 5 км к югу от караван-сарая Талайхан-ата, на краю того же такыра, на котором стоит сам караван-сарай, сотрудниками Хорезмской экспедиции во время узбойского автомаршрута в 1951 г. были собраны фрагменты керамики. В комплек-

²⁰¹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 302—315, 326. Сборы последних лет находятся в секторе древней и средневековой археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

²⁰² О. А. Вишневская. Указ. раб., стр. 459.

се вместе с сероглиняной, красновато-кремовой и желтоглиняной керамикой встречаются очень фрагментарные обломки от тонкостенных красноглиняных сосудов неравномерного обжига, снаружи с коричневым или красноватым ангобом и лощением. По фактуре, тесту, обжигу, ангобу и лощению—это типично нижнеузбойская керамика, которая и составляет единый комплекс со всеми остальными находками. Комплекс датируется началом XIV—XV в. Эти материалы еще при сборе датированы Н. Н. Вактурской монгольским временем²⁰³.

Поселение между Бала-ишемом и Талайхан-ата (поиск 171) расположено на левом берегу Узоя. Небольшие поселения были зафиксированы сотрудниками Хорезмской экспедиции в 1951 г. в поисках 172, 173. Большим подъемным керамическим материалом представлен поиск 178, в 15 км к северу от Бала-ишема, справа и слева от дороги на такыре. Здесь было собрано в 1951 г. около 600 фрагментов керамики.

Несколько поселений зафиксировано сотрудниками Хорезмской экспедиции между Бала-ишемом и Орта-кую, на правом берегу Узоя, в низине береговой террасы (поиск 181); на левом берегу Узоя, на прибрежной полосе до песков (поиск 182); в 5 км к северу от поиска 182, на левом берегу Узоя (поиск 183); у горы Кугунек (Овенек) — поиск 195.

Поселение между горой Кугунек и караван-сараям Орта-кую на левом берегу Узоя (поиск 198) очень богато керамическим материалом, представленным в основном фрагментами сероглиняной хорезмской посуды и фрагментами сосудов красновато-кремового, коричневого и желтого обжига. Аналогичные материалы встречены в этом районе в 4 км севернее поселения, на левом берегу Узоя, у водопада на площади около 200 м длиной и 30—40 м шириной (поиск 199), в 8 км севернее (поиск 200), на левом берегу Узоя (поиск 202), а также близ колодца Орта-кую (поиск 203).

Караван-сарай Орта-кую впервые был обнаружен сотрудниками Хорезмской экспедиции в 1951 г. и был С. П. Толстовым отождествлен, как выше отмечалось, с караван-сараям Карвангах. Был снят план и описан памятник, а также произведена шурфовка. Ке-

²⁰³ См. дневник № 3, 1951 г., маршрут ГТК, стр. 72—73.

рамические материалы из шурфов, стратиграфически связанные с памятником, были датированы золотоордынским временем²⁰⁴ на основании керамики со штампованным орнаментом и сероглиняных сосудов с примесью дресвы. В керамическом комплексе также встречаются красноглиняные с примесью мелкого песка, с красновато-коричневым ангобом и лощением — нижнеузбойские по типу фрагменты сосудов, датируемые началом XIV—XV в.²⁰⁵

В данной работе нет надобности подробно останавливаться на сарыкамышских ирригационных системах, так как они могут служить темой самостоятельного исследования, но поскольку этот район имел тесную историческую связь с Верхним Узбоем и с дальнейшей судьбой приузбойских туркменских племен, следует привлечь некоторые археологические материалы об ирригационных системах на берегах Сарыкамышского озера, изучавшихся в 1952—1954 гг. сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР²⁰⁶ и в 1970 г. сотрудниками совместного археологического отряда ХЭ Института этнографии АН СССР Б. И. Вайнберг и Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР Д. Дурдыевым и автором.

По данным Хорезмской экспедиции, на берегах Сарыкамышской впадины выделены четыре группы ирригационных сооружений:

- 1) в южном заливе Сарыкамыша, в районе истоков Узбоя — Чырышлинская система;
- 2) на восточном склоне Сарыкамышской впадины — восточная и юго-восточная системы;
- 3) в юго-западной части впадины — юго-западная система;
- 4) близ спуска Агиныш на западном склоне — Агинышская система²⁰⁷.

Было определено время функционирования этих сооружений и описано место их расположения. Наи-

более примитивная из них Чырышлинская система. Но именно она представляет наибольший интерес. Она расположена на берегу у истока Узбоя²⁰⁸ в 20—25 км к юго-юго-востоку от колодца Чырышли, по обоим берегам узкого русла-протока²⁰⁹, идущего по дну Южно-Сарыкамышского залива.

Южно-Чырышлинские ирригационные сооружения и материалы с них С. П. Толстов, Т. А. Жданко и А. С. Кесь характеризовали следующим образом: «Все они (сооружения. — Х. Ю.) состоят из двух ведущих валов... тянутся вверх по довольно крутому склону и сливаются с насыпным валом, обрамляющим круглый водоем, расположенный у самой бровки террасы, а нижние их концы (этих валов. — Х. Ю.) доходят до уровня, на котором прослеживается слой раковин *Dreissensia*, то есть до уровня воды этого озера»²¹⁰. Это и позволило исследователям сделать предположение о возникновении ирригационных сооружений здесь, при существовании озера и функционировании их вплоть до исчезновения озера²¹¹.

В результате раскопок было выяснено, что по валу идет желоб с полукруглым вогнутым дном и стенками из того же суглинка. Желоб имеет небольшой уклон в противоположную сторону террасы, что дало основание определить назначение этих желобов как ирригационных сооружений, орошавших поля, расположенные за песчаной грядой, где в ряде мест были обнаружены следы мелких поливных борозд²¹².

Было отмечено также, что датировка сооружений устанавливается по многочисленным фрагментам керамики, собранной на полях, состоящей главным образом из остатков сероглиняных сосудов с примесью дресвы и песка, характерных для периода XII — рубежа XIV и XV вв. Это толстостенные хумы или хумчи с темной ангобной облицовкой и прочерченным волнистым узором и кувшины с высокой ручкой округлого сечения. Названные изделия полностью повторяют гончарные

²⁰⁴ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 327

²⁰⁵ См. главу I, раздел керамики.

²⁰⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 116—142; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 236—261.

²⁰⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 132; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 236.

²⁰⁸ См. геоморфологическую и археологическую карты Сарыкамышской впадины. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 205.

²⁰⁹ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 237.

²¹⁰ Там же, стр. 238—240.

²¹¹ Там же, стр. 240.

²¹² Там же, стр. 239—240.

изделия, бытовавшие в Хорезме в указанный период²¹³. Далее отмечаются единичные фрагменты от поливного кашинного сосуда, относящегося к XIII—XIV вв. с двухцветной (синей и черной) росписью и тонкой гравировкой в виде надписи наском, простирающейся светлой линией на темном фоне, которые тоже находят себе наиболее близкие аналогии в хорезмской керамике золотоордынской эпохи (XIII—XIV вв.)²¹⁴.

В небольшом количестве были собраны фрагменты из красноватой глины, покрытые светлым, желтовато-зеленым ангобом и имеющие округлые и плоские ручки и кувшины, датированные более поздним временем (не ранее XVI в.)²¹⁵. Позднее в коллективной монографии «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», датировка этих фрагментов ограничена только XV в.²¹⁶ Авторы датировали весь комплекс началом XV в., отмечая при этом, что «так как керамика Чырышлинской системы, несомненно, представляет собой единый комплекс, то она может быть датирована в целом началом XV в.»²¹⁷

Как керамические материалы, дающие возможность для датировки XIV—XV вв., так и расположение чырышлинских ирригационных сооружений непосредственно на русле Узбоя дают основание связывать последние с периодом обводнения русла. Датировка материалов с верхней юго-восточной ирригационной системы, где были встречены аналогичные материалы, что и на Чырышлинской системе, подтверждают датировку последних XIV—XV вв.; ниже их по склону на ирригационных системах (см. ниже) встречен материал XVI в. Кроме керамики были найдены и другие предметы хорошей сохранности: ручные жернова, обильные россыпи криц, обломки железной утвари и др.²¹⁸

Комплексы керамических материалов, аналогичные южно-чырышлинским, были обнаружены и на юго-вос-

точной ирригационной системе (верхней), расположенной в 10 км к северо-северо-востоку от кладбища Зенги-баба.

В отличие от Чырышлинской системы здесь отмечена грандиозность всех сооружений. В районе системы были обнаружены остатки поселений со следами юрт, каменными очагами и керамикой. Керамические материалы — преимущественно сероглиняная керамика и каменные сосуды, относящиеся к XIII—XIV вв. Среди наиболее ранних серых сосудов имеются хумы из глины с примесью дресвы, обрамленные по устью массивным налепным венчиком, аналогичные бытовавшим в Хорезме в XIII—XIV вв., кувшины с высокой ручкой, округлой в сечении, сделанные из серой глины с примесью дресвы, подобные чырышлинским; кувшины с округлой ручкой и чаши двух вариантов, подобно встречающимся в хорезмской керамике XIII—XIV вв.²¹⁹

Ирригационные системы, обнаруженные ниже по склону озера на обширном массиве земель со следами орошения по находкам как поливной, так и неполивной керамики, отнесены главным образом к XVI в.²²⁰ В этом же комплексе обнаружены фрагменты сосудов нижеузбойского (актамского) типа²²¹. Наличие единичных нижеузбойских (актамских) керамических материалов среди позднесредневековых керамических материалов по восточному склону впадины Сарыкамыш не противоречит хронологии нижеузбойских керамических материалов (начало XIV—XV в.). Ниже история племени хызыр-или будет подробно освещена, но в связи с возникшим вопросом следует отметить, что распространение на территории хызыр-или нижеузбойских керамических материалов можно объяснить тем, что после прекращения тока воды по Узбою, часть хызыр-или, ранее живших на Верхнем Узбое, перебазировалась к Сарыкамышской впадине. Не исключено также, что среди переселенцев могла быть и часть населения Среднего и Нижнего Узбоя, принеся с собой керамику актамского типа. Здесь вдали от основной

²¹³ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 240—241.

²¹⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 134; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241.

²¹⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 134.

²¹⁶ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 134; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241.

²¹⁹ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 244.

²²⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 136; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 244.

²²¹ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 248—249.

территории распространения эта керамика и в XVI в. могла сохранять старые формы. К сожалению, имеющиеся на Сарыкамыше фрагменты нижнеузбойской керамики практически не дают оснований для анализа их форм и типов.

Кроме керамических материалов, на нижней юго-восточной ирригационной системе Сарыкамыша найдено свыше 80 монет, множество бус и ювелирных украшений, уточняющих время жизни людей на этих землях. Как керамические материалы, так и преобладающее количество монет относится к концу XV и XVI в.²²²

Ирригационные системы—юго-западная, расположенная по берегам котловины Кара-Сазаклы²²³, и западная—Агиношская²²⁴—датированы XVI—началом XVII в.²²⁵

Несмотря на то, что обнаруженные керамические материалы из поселений Верхнего Узбоя очень фрагментарны, их форма и фактура позволяют установить их датировку. Керамические материалы Верхнего Узбоя, относящиеся к средневековому периоду, полностью повторяют гончарные изделия Хорезма. Подавляющее большинство керамики Верхнего Узбоя составляет неполная посуда. Она делится в основном на сероглиняные сосуды и сосуды красновато-кремового, коричневого, желтого цвета; все они круговой формовки.

Фрагменты сероглиняных сосудов представлены в основном от хумов, хумчи, кувшинов, горшков и других предметов; в тесте их есть примесь дресвы или песка, черепок покрыт темно-серой или черной ангобной облицовкой. Есть фрагменты без примеси и без ангоба. Орнамент в виде прочерченного волнистого узора или налепов. Венчики — от толстостенных сосудов (хумов или хумчей), обрамленные по устью массивным налепом. Аналогичные изделия встречены в Хорезме и на сарыка-

мышских ирригационных системах²²⁶. Венчики от кувшинов или горшков подтреугольные, манжетообразные или утолщенные со слегка отогнутым плоским бережком. У некоторых фрагментов сохранились следы ручек; здесь верхняя часть ручек составляет единое целое с венчиком сосуда.

В большом количестве представлены ручки от сероглиняных сосудов (от кувшинов или горшков) округлого сечения, массивные и мелкие. Несмотря на то, что фрагментов таких ручек довольно много, они не дают основания восстановить полностью их форму и в связи с этим определить их точную датировку (в основном это период XII—XIV вв.). Следует отметить, что представленные фрагменты ручек не имеют высокого изгиба и подъема, что характерно, по данным Н. Н. Вактурской, для хорезмшахского времени²²⁷. Но высокие ручки в комплексах Сарыкамышской впадины (чырышлинская и юго-восточная системы) датированы XIII—XIV — началом XV в.²²⁸ С другой стороны, часть массивных ручек от сероглиняных сосудов с обломками венчиков имеет боковые вдавления, аналогичные тем, которые имеются на сосудах из Шемаха-кала, датированных XIII—XIV вв.²²⁹

Донышки бывают дисковидные и плоские со следами песчаной подсыпки. В комплексе верхнеузбойских поселений встречаются также фрагменты от сфероконусов. Среди представленных материалов таких целых сосудов нет, но по форме сохранившихся фрагментов, толщине их стенок и темно-серому или оливковому цвету черепка в изломе они находят себе близкую аналогию среди хорезмских материалов²³⁰.

²²⁶ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 302 и сл.; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 244.

²²⁷ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 304, 326.

²²⁸ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241—244.

²²⁹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 304 и сл.

²³⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 130, 134, 136; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 302 и сл.; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче. ТХЭ, т. 2. М., 1958, стр. 474; О. А. Вишневецкая. Указ. раб., стр. 439, 459, 464; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241—244.

²²² С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 136; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 249—250 и сл.

²²³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 138; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 257 и сл.

²²⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 138; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 260 и сл.

²²⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 138; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 261.

В комплексе верхнеузбойских поселений встречаются фрагменты сосудов красновато-кремового, коричневого или желтого обжига, покрытых светлым близким к цвету черепка ангобом или без ангоба. По цвету черепка и ангоба они находят себе аналогии среди керамических материалов Хорезма с X по XVII в.²³¹, а также среди материалов Сарыкамыш²³², в подгорной равнине Копетдага и Мерва (за исключением Нисы), насколько можно судить по имеющимся публикациям в течение всего средневековья²³³.

Представленные формы ручек от этих сосудов имеют сечения: овальное, округло-овальное, чечевицевидное, асимметричное. На чечевицевидных в сечении ручках имеются продольные бороздки на внешней стороне, встречаются и широкие пластинчатые ручки с продольной бороздкой. Эти формы ручек существовали в Хорезме с X до XVII в.²³⁴ Ручки с боковыми вдавлениями у венчика массивные, с округлым сечением, характерные для XV—XVII вв.²³⁵ Орнамент прочерченный, линейный или волнистый существовал на протяжении всего периода средневековья. На ряде фрагментов встречается прочерченный узор, спускающийся по плечам и характерный для XII—XIV вв. в Хорезме²³⁶.

Поливная керамика из поселений Верхнего Узбоя

²³¹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 262—263; 272, 306, 308; ее же. Раскопки городища Ургенч в 1952 г., стр. 485; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 516.

²³² С. П. Толстов. Работа Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 134; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241, 246.

²³³ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в., стр. 348; А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада, стр. 88; Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Стоит отметить, что керамические материалы не всех периодов подгорной равнины Копетдага описаны с соответствующей полнотой и классифицированы. Но большинство этих материалов встречается в памятниках XII—XIV вв.

²³⁴ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 276—277, 284, 304, 306, 330; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, см. рис. на стр. 244—246.

²³⁵ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 338; ее же. Раскопки городища Ургенч в 1952 г., стр. 485.

²³⁶ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация..., стр. 326.

представлена в ничтожном количестве. Это фрагменты от глиняных или кашинных сосудов. Встречаются прямые венчики и кольцевидные доньшки от чаш. Полива обычно двусторонняя — бирюзовая, голубая, светло-молочная по цвету и прозрачная по качеству. Роспись в основном темно-синяя, коричневая. Очень фрагментированные обломки не позволяют определить узкие хронологические рамки материала. Но по ряду признаков (кашин, раскраска) они аналогичны материалам из Шемаха-кала и Таш-кала, датируемых Н. Н. Вактурской XIII—XIV вв.²³⁷

Итак, керамические материалы Верхнего Узбоя тяготеют к Хорезму и находят себе аналогии в основном в комплексах XII—XVII вв. Более узкая дата по самим керамическим материалам не может быть установлена на основании существующих в Хорезме комплексов. Но ряд других факторов — время обводнения Узбоя, определяемое нами вслед за другими исследователями по историческим источникам и уточненной датировке материалов с Нижнего Узбоя в пределах XIV—XV вв., а также аналогии с материалами Южно-Чырышлинской и юго-восточной систем Сарыкамыш и верхнего слоя караван-сарая Талайхан-ата, позволяют определить время существования поселений и керамики Верхнего Узбоя от начала XIV в. до конца XV—начала XVI в.

Для дальнейшего изучения истории верхнеузбойских туркмен большое значение имеет позднесредневековая туркменская крепость Адак (Ак-кала), расположенная у старого русла Куруджа-Узья, близ древнего Сарыкамышского озера (под Чинком Бутентау). Б. И. Вайнберг отмечает, что по характеру застройки, общему облику города и даже по типу жилища памятник аналогичен городищу Пештак (средневековый Абиверд), расположенному к северо-западу от станции Каахка Ашхабадской железной дороги. Несмотря на то, что сравниваемые поселения разделяет не менее двух веков, плотность и общий характер застройки у них очень сходны, много общего в характере и конструкциях башен и крепостных стен. Из четырех типов зданий, выделенных ис-

²³⁷ Н. Н. Вактурская. Раскопки городища Ургенч в 1952 г., стр. 485—486.

следователями Пештака, три (1, 2 и 4), во всяком случае, находят аналогии в жилище Адака²³⁸.

Б. И. Вайнберг, ссылаясь на то, что Пештак был основан туркменами али-или в первой половине — середине XIX в.²³⁹, а также на сведения информаторов Куны-Ургенчского района, которые утверждали, что али-или будто бы наиболее раннее туркменское население Северо-Западного Хорезма²⁴⁰, отмечает, что, возможно, али-или жили и у Сарыкамыша, а, может быть, и у Адака и даже в самом городе. В XVII в. в связи с усыханием Сарыкамыша и Дарьялыка али-или, как и другие племена туркмен, покинули эти районы и переселились на юг к Абиверду, с которым северо-западные районы Хорезма имели, как это можно судить по данным нумизматики, большие торгово-хозяйственные связи²⁴¹.

Автор не исключает возможности того, что в Адаке али-или и не жили, но предполагает, что в южные районы Туркмении (и в частности, в Абиверд) они принесли уже твердо сложившиеся в Северо-Западном Хорезме в среде ряда близких в хозяйственном и культурном отношении туркменских племен (али-или, хызыр-или, адак-лы-хызыр) приемы и навыки строительства поселений и жилищ²⁴². Последние предположения кажутся более убедительными.

По сообщению Абу-л-Гази, Верхний Узбой был заселен потомками Хызыр-Чора. Образование племен хызыр-или Абу-л-Гази описывает так: после того, как его отпустили на волю, «Хыз(д)ыр-Чора в местности, именуемой Куртыш (Гердиш), что на берегу реки Аму, занялся земледелием, а также скотоводством и стал большим богачом... Четыре монгола пришли и, поступив в батраки (jāmim) к Хыз(д)ыр-Чора, присматрива-

²³⁸ Б. И. Вайнберг. Поздние поселения и жилища «земель древнего орошения» левобережного Хорезма. Канд. дис. М., 1961, стр. 135—136.

²³⁹ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. ТЮТАКЭ, т. 3. М., 1953, стр. 20; Б. И. Вайнберг. Поздние поселения..., стр. 137.

²⁴⁰ Г. П. Васильева. Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.; Б. И. Вайнберг. Поздние поселения..., стр. 137.

²⁴¹ Б. И. Вайнберг. Поздние поселения..., стр. 137—138.

²⁴² Там же, стр. 138.

ли за его скотом. Затем пришли шесть салоров и поступили в батраки. Все они разбогатели. Со всех сторон и окрестностей приходили голодные, истощенные, разоренные и ограбленные — присоединялись к ним и селились (здесь); (так) образовался многочисленный иль. Верхним пределом их юрта был Тон-кыры, а основанием — Кары-Кечит. И всякому, кто их спрашивал: «Что вы за народ?», они отвечали: «Мы люди Хыз(д)ыр-бая. Мало-помалу народ их стал называть хыз(д)ыр-или. В хыз(д)ыр-или был один уруг — его называют Кутлар; они потомки Хыз(д)ыр-Чора»²⁴³. Как выше отмечалось, первоначальное заселение хызыр-или района Верхнего Узбоя относится к началу XIV в. Проблема образования, занятия и дальнейшая судьба этого племени привлекала внимание многих исследователей — историков, археологов, этнографов (С. П. Толстов, В. Г. Мошкова, Г. П. Васильева, Б. И. Вайнберг и др.).

С. П. Толстов считает, что ирригационные системы Сарыкамыша, относящиеся к XIV — началу XVII в., принадлежали туркменскому племени адаклы-хызыр, части (подразделению) средневековых хызыр-или²⁴⁴. Он отмечает, что особый интерес представляют находки, характеризующие хозяйственную жизнь и быт жителей Сарыкамыша в XVI в.: «...весь облик культуры этих племен близок к хорезмской культуре этого времени (Куны-Ургенча, Дэв-Кескен). Земледелие характеризуется не только сооруженной ими своеобразной ирригационной системой, но и частыми находками жерновов, среди которых встречаются как небольшие ручные, так и крупные, приводившиеся в движение при помощи осла, запряженного в привод мельничного сооружения — хораз (хараз. — Х. Ю.) Много найдено здесь и остатков

²⁴³ Абу-л-Гази. Родословная туркмен, стр. 76.

²⁴⁴ Такое же отождествление давал и В. В. Бартольд. См.: В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Соч., т. 2, ч. 1, стр. 595. По этому поводу см. также диссертацию Б. И. Вайнберга, где, приводя строки В. В. Бартольда, исследователь добавляет, что племя названо так по месту своего жительства вокруг Адака, в низовьях Дарьялыка, в местности, расположенной севернее мест поселения хызыр-или на Узбое (Б. И. Вайнберг. Поздние поселения..., стр. 77).

«круглых глиняных печей — тамдыров для выпечки лепешек»²⁴⁵.

Ссылаясь на ту часть исторического рассказа Абу-л-Гази, где он касается хызыр-или, М. Г. Мошкова пишет, что историческое сопоставление этих племенных названий позволяет сделать предположение, что адакли-хызыр—это часть хызыр-или. Адаки имели более тесное общение и связь с Хорезмом благодаря своей территориальной близости к последнему.

Очень интересные сведения приведены в работе Г. П. Васильевой относительно информации современных хызыр-или о месте жительства своих предков. Автор отмечает, что ни каракульские, ни чарджоуские информаторы не могли указать места обитания своих предков. Они помнят только то, что их предки жили вокруг большого озера и занимались земледелием. Некоторые хызыр-или гурленские (хорезмские) считали, что они коренные, местные. Но большинство информаторов твердо помнят, пишет Г. П. Васильева, что родина их предков не здесь, а в местностях, находящихся на западе, на большой реке, которая раньше текла к Шагадаму (Красноводск). В Гурленский район они переселились около 400 лет тому назад из-за того, что калмыки перегородили реку плотиной и закрыли доступ воды на их земли. Приводя эти предания, Г. П. Васильева в примечании отмечает, что дата эта довольно верна, она падает на вторую половину XVI в., когда, как известно, прекращается ток воды по Узбою²⁴⁶.

Относительно переселения хызыр-или из Хорезма в район среднего течения Амударьи Г. П. Васильева придерживается предположения В. Г. Мошковой. Она не отрицает вероятности того, что часть хызыр-или могла еще раньше покинуть свои места, расположенные по берегам Узбая и Сарыкамыша после начавшегося в конце XVI в. прекращения поступления амударьинских вод в Сарыкамышское озеро в поисках земель, которых они лишились после засоления Сарыкамыша и окон-

чательного высыхания Узбая²⁴⁷. К такому мнению приходит и Б. И. Вайнберг в своей работе «Поздние туркменские поселения и жилища земель древнего орошения левобережного Хорезма».

Легенды хызыр-или об их происхождении содержат элементы рассказа Абу-л-Гази о происхождении племени хызыр-или, и Г. П. Васильева отмечает, что «являясь потомками части Абульгазиевских хызыр-или, хызыр-илинцы частично сохранили легенду, которая во времена хана-историка существовала в полном виде»²⁴⁸.

Несмотря на то, что хызыр-или не помнят подобно другим туркменским племенам своего прежнего родового деления, в результате этнографических работ среди хызыр-или Г. П. Васильевой удалось уточнить, что среди современных родовых групп хызыр-или есть подразделения — ургенчли, касаблы, пычакчи и другие, которые сохранили свое родовое название с древних времен. Подразделения кеширчи, ойчилер, демирлер и другие отмечали информаторы куня-ургенчских хызыр-или²⁴⁹.

Происхождение родовых названий пычакчи (ножевщики) и демирлер (кузнецы), по мнению С. П. Толстова и Г. П. Васильевой, подтверждается находками многочисленных железных изделий на берегу Сарыкамыша, на местах обитания хызыр-или еще в XIV—XVII вв.²⁵⁰

Г. П. Васильева, характеризуя хозяйство хызыр-или, отмечает его исконное земледельческое направление, а также их занятия рыболовством, ремеслом, особенно гончарным (в качестве доводов автор приводит поздние поселения хызыр-или XVIII—XIX вв.)²⁵¹.

Приведенные факты об истории и хозяйстве хызыр-или после их переселения с Узбая показывают, что у этого племени устойчивы были традиции комплексного

²⁴⁷ Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в Чарджоуской и Бухарской областях, стр. 129; ее же. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., стр. 168—189.

²⁴⁸ Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в Чарджоуской и Бухарской областях, стр. 129.

²⁴⁹ Там же, стр. 130.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в Чарджоуской и Бухарской областях, стр. 129.

²⁴⁵ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 253. См.: Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., стр. 168.

²⁴⁶ Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., стр. 173—174.

земледельческого скотоводческо-рыболовного хозяйства. Если на Верхнем Узбое в XIV—XV вв. они занимались скотоводством и, вероятно, богарным земледелием, о чем свидетельствуют данные Абу-л-Гази и обнаруженные на нескольких участках Узбоя, на такырах нижней береговой террасы следы примитивного земледелия, то в это же время и позднее в XVI—XVII вв., переселившись на берега Сарыкамышского озера, на окраины Хорезма, они создают оригинальные ирригационные сооружения, без которых заниматься земледельческим хозяйством в этом районе было бы невозможно. Интересно отметить, что на самом Верхнем Узбое отмечена лишь одна, небольшая по площади, ирригационная система XIV—XV вв. — Чырышлинская, расположенная по берегам узкого русла Узбоя у его выхода из Сарыкамышского озера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты изучения средневековых археологических памятников русла Узбоя показывают, что в этом районе можно выделить три локальные археологические группы памятников Нижнего, Среднего и Верхнего Узбоя, датируемые началом XIV—XV вв. и связанные с периодом обводнения Узбоя.

Археологические памятники района Больших Балхан, которые не входя в собственно географическое понятие Нижнего Узбоя, тесно связаны с ним как по географическому положению, так и в значительной степени по историческим судьбам населения.

Еще в глубокой древности район Узбоя, занимающий промежуточное положение между Хорезмом, Прикаспием и подгорной равниной Копетдага, заселялся различными по происхождению группами населения. Благодаря изучению археологических памятников и трех локальных групп их, относящихся к средневековому периоду, выясняется, что археологическая география этих трех районов Узбоя совпадает с географией Абу-л-Гази, помещающего здесь три приузбойских племени: хызыр-или (адакли-хызыр) — от Пишгаха до Гарры-гечиды, али-или — от Гарры-гечиды до Балханских гор и кара-ойли и дюеджи — от Балханских гор до устья Узбоя (до восточного берега Каспийского моря).

Анализ археологического материала (его происхождение из определенных районов, историко-культурные связи) позволил сделать ряд выводов об этногенезе приузбойских племен. На Нижнем Узбое уже в XIV в. создается ряд различных по своему происхождению

этнических групп — кара-ойли, джеджи, ширван, вероятно, герейли, недим и туркмен группы Салора-Огурджика и других, по разным историческим причинам оказавшихся на одной территории — на Нижнем Узбое и положивших основу «племени» огурджали, имя которого, в свою очередь, происходит от названия одного из самых крупных, а, может быть, и центрального поселения этого района — Огурджи (современная местность Куня-Огурджа). По данным письменных источников и археологическим данным с Нижнего Узбоя, процесс сложения огурджалинцев можно отнести к XIV—XV вв. Позднее это племя вошло в йомудское племенное подразделение джафарбайцев.

Остатки материальной культуры средневекового населения Нижнего Узбоя в основном представлены керамикой. Вся керамика принадлежит единому археологическому комплексу, получившему в свое время по месту первоначальных находок название «актамской» культуры. Керамика Нижнего Узбоя находит ближайшие аналогии лишь в керамических материалах западного берега Каспийского моря, в Азербайджане, особенно в районе Баку (Ширваншах), датируемых монетами конца XIII—XV вв.

Характерные для «актамской» керамики подглазурная гравировка и желтовато-зеленоватого оттенка полива, преимущественно прозрачная, при красновато-кирпичном цвете черепка появляется в азербайджанском комплексе с конца XIII в., причем гравировка позже XV в. не встречается. Свойственная «актамской» поливной керамике форма блюд и чаш с расширяющимся к краю кольцевым поддоном, распространена в азербайджанской керамике в XIV—XV вв. Неполивная керамика Нижнего Узбоя — светильники, котлы и красноглиняная лощеная керамика — также находит аналогии в азербайджанском материале XIV—XV вв. На основании вышеуказанных аналогий можно считать, что поливная и неполивная керамика Нижнего Узбоя составляет единый комплекс, который можно датировать началом XIV—XV в. Родство средневековой материальной культуры этих двух разделенных морем районов отражает связи их населения (тюркоязычные племена Азербайджана и туркмены восточного побережья

Каспийского моря в средневековье), имеющего определенную этническую и историческую общность.

Устанавливаемая нами датировка керамики и соответственно поселений района Актама, Аджайба и Келькора с начала XIV—XV вв. наводит на мысль о возможности какого-то прорыва амударьинских вод по Узбою после монгольского разрушения Хорезмской ирригации. Однако вопрос этот требует специального исследования.

К началу XIV в. на Среднем Узбое поселяются али-или. В керамическом комплексе Среднего Узбоя вместе с ниже-и верхнеузбойскими материалами встречается керамика, характерная только для населения Среднего Узбоя. В материальной культуре (керамике) Среднего Узбоя можно предположить культурные связи с подгорной равниной Копетдага, что будет свидетельствовать не только о территориальной близости этих районов, но и об истории образования этого племени, и, возможно, его дальнейшей судьбе. После прекращения стока воды по Узбою часть али-или переселилась в Южную Туркмению, сначала в район Кара-кала, а позднее в район Каахка. Другая часть али-или вместе с хызыр-или после прекращения стока воды по Узбою через Хорезм (скорее всего сначала через район Сарыкамыш и древнего Ургенча) могла расселиться на среднем течении Амударьи.

Керамические материалы с поселений Верхнего Узбоя, принадлежавшие племени хызыр-или, являются хорезмийскими по происхождению²⁵². На поселениях Верхнего Узбоя в комплексах керамических материалов встречаются преимущественно фрагменты от неполивных сероглиняных сосудов, столь характерных для средневекового Хорезма периода XII—XIV вв. и сосуды красновато-кремового обжига, относящиеся к хорезмийским комплексам XIV—XVII вв. Некоторые детали позволяют отметить, что в археологическом комплексе с Верхнего Узбоя представлены образцы наиболее поздней керамики первой хронологической группы, переходные типы и только ранние типы второй хроно-

²⁵² Это в свое время отметил С. П. Толстов. См.: С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 136; Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, стр. 241.

гической группы. Этот факт, как и предполагаемая нами связь поселений с периодом обводнения Узбоя в средневековье, который уточняется нами по археологическим материалам с Нижнего Узбоя и Сарыкамыша, а также аналогии в материалах из верхнего слоя караван-сарая Талайхан-ата и с караван-сарая Орта-кую, дает основание сузить датировку поселений Верхнего Узбоя до XIV—XV вв. Территория распространения хорезмской керамики по Верхнему Узбою совпадает с указанной Абу-л-Гази территорией расселения племени хызыр-или. Дальнейшая судьба этого племени тоже связана с Сарыкамышем и Хорезмом. После прекращения тока воды по Узбою в XVI—начале XVII в. они продолжали жить на берегу Сарыкамышского озера и на северо-западных окраинах Хорезма, где в это время расширяется территория, занятая туркменскими ирригационными сооружениями.

На основании археологического материала можно довольно точно датировать сведения Абу-л-Гази о туркменах на Узбое началом XIV — концом XV в.

Средневековые памятники (в основном скопления керамики) чаще всего располагаются вдоль Узбоя в районах, не связанных с колодцами, часто в одном и том же месте, где и кремневые орудия и керамика эпохи первобытности. Последнее обстоятельство еще раз подчеркивает тот факт, что берега Узбоя были заселены как в древности, так и в средневековье, и условия и характер обводнения русла в эти периоды были довольно близкими, хотя период обводнения и его объем в средние века был неизмеримо короче и меньше.

Хозяйство средневекового населения Узбоя (в начале XIV—XV в.) было комплексным (полускотоводческим, полужемледельческим). Ведущей отраслью хозяйства, видимо, было скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием. Скотоводческое хозяйство на берегах Узбоя было отгонным, с сезонными перекочевками к колодцам, расположенным на расстоянии около 30—40 км от берега Узбоя. Об этом свидетельствуют сведения Абу-л-Гази о том, что летом жители, имеющие скот, кочевали к колодцам со своим скотом, спасаясь от комаров и оводов, при этом часть населения, не имеющая скота, оставалась на берегах Узбоя, где на ряде участков на

низких берегах и нижних террасах характер почвы и увлажненность их была достаточна для занятия примитивным земледелием без полива. В источниках встречаются прямые указания на занятия населения Узбоя земледелием. Конечно, земледелие на Узбое возможно лишь в небольшом размере; по характеру оно было, судя по всему, богарным, кайрым и в некоторых случаях (на Узбое и на Большом Балхане) примитивным, поливным из родников, ручьев и т. д. (в основном бахчеводство). Как свидетельствуют археологические данные, на Нижнем и Верхнем Узбое также было развито ремесло, в частности, производство и обработка железа и гончарное дело. Не исключено также существование охоты и рыболовства (о рыболовстве есть прямые указания у Абу-л-Гази), а на отдельных участках Нижнего Узбоя кустарной добычи нефти.

В связи с усыханием Узбоя этот район становится непригодным для земледелия и для жизни значительного количества населения. Поэтому основная масса туркмен и покидает эти места; часть их начинает заниматься кочевым скотоводством по Узбою или на окраинах Хорезма.

Принятые сокращения

ВДИ	— Вестник древней истории.
ЗМО	— Записки минералогического общества.
ИСИПС	— Известия собрания инженеров путей сообщения.
ИТОРГО	— Известия Туркестанского отдела Русского географического общества.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции.
СА	— Советская археология.
ТИГ	— Труды Института географии АН СССР.
ТХЭ	— Труды Хорезмской экспедиции.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Средневековые памятники на Нижнем Узбое и Большом Балхане, вопрос об их происхождении и этнической принадлежности	11
Памятники в районе русла Актама	17
Памятники в районе русла Аджамба	22
Поселения по берегам Келькора	24
Памятники в районе Больших Балхан	25
Керамика со средневековых поселений Нижнего Узоя и вопрос об этническом составе его населения	36
Глава II. Археологические материалы эпохи средневековья со Среднего Узоя (к истории туркменского племени али-или)	72
Глава III. Археологические памятники и особенности материальной культуры средневекового населения Верхнего Узоя (туркменское племя хызыр-или)	85
Заключение	117
Принятые сокращения	122